

18+

N. MERILION

ОНА — ПРИСТАНЬ

Ambo Valentia

N. Merilion

Она – Пристань. Ambo Valentia

«Издательские решения»

Merilion N.

Она – Пристань. Ambo Valentia / N. Merilion — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986757-5

У нас с Пересмешником была одна беда на двоих — общее тело. Земля пошатнулась и бросилась в лицо, я снова упал. Все из-за проклятого маятника. Пересмешник скучал по Золотому городу, а мне хорошо было в Среднем Секторе.— Скоро. Нас расколет. Я перестану. Узнавать тебя. А ты меня. И мы. Станем воевать.— Пока есть общий план, мы живем мирно.— Нужно. Что-то ещё.— Пусть будет она.— Она?— Она — Пристань. Пересмешник не согласился, а это значило одно: всю жизнь она будет страдать рядом с нами.

ISBN 978-5-44-986757-5

© Merilion N.

© Издательские решения

Содержание

Часть I.	6
Глава 1. Маяки не боятся шторма	6
Глава 2. Я изменяю реальности	13
Глава 3. Кайт	21
Глава 4. Мой пятый элемент	29
Глава 5. Преступление без наказания	34
Глава 6. Тот, кто нам мешает, тот нам поможет	42
Глава 7. Ты сам все отдавший и все принявший	49
Часть II.	55
Глава 8. Вне Игры	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Она – Пристань

Ambo Valentia

N. Merilion

*Отцу, в которого я верю как в Бога,
Маме, которую люблю как Бога,
маленькой Соijke
и любимому Пересмешинику.
А также тем,
с кем мы братья
не по крови,
но по звездам.*

Алена Аверкина *Редактор*

Елена Милюченко *Редактор*

Татьяна Дайнеко *Корректор*

Ксенон *Иллюстратор*

Евгения Язвенко *Дизайнер обложки*

© N. Merilion, 2020

© Ксенон, иллюстрации, 2020

© Евгения Язвенко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-6757-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы с Пересмешиником затеяли нескончаемую Игру. И, пока я не понимал правил, постоянно проигрывал.

Одну за одной... Игра закончится с моей смертью...

Пересмешиник тут же надевал корону и играл в короля, а я должен был ему прислуживать до следующего раунда. Исполнять все, что он попросит.

Каждый новый вопрос, на который мы не знали ответ, превращался в Игру. ...все, что он попросит...

Игра начиналась ранним утром и заканчивалась, когда я без сил валялся с ног. ...у нее были слишком белые волосы... Только тогда я отдыхал.

Это было задолго до того, как я понял Правила.

Знание – защита. Я усвоил. И изредка стал выигрывать. ...все, что он попросит...

Тогда Пересмешинику становилось нестерпимо обидно. Он не умел проигрывать и хотел отыграться каждый раз после моей победы. ...не слышен в воздухе, но ощутим...

И стал мучить меня даже во сне. Мы оба страдали бессонницей и играли. ...тише ты, тише...

Моя бесконечная игра с ним казалась мне такой же безвыходной, как лестница Эшера, любимая геометрическая иллюзия Мамы.

Теперь я отдыхал, только когда Пересмешиник спал, а делал он это крайне редко.

...холод в моей комнате был темный...

Часть I. Средний сектор

*Посмотри в зеркало
на свое отражение,
что ты там видишь?
Он – единственный,
кто верит в чудеса.*

Глава 1. Маяки не боятся шторма

Пристань. Меня зовут так, я смущенно откашлялась, рассматривая свою серую фигурку в зеркале. — —

Всем привет! Меня зовут Пристань. Я из последнего поколения детей, и я рада работать на новом месте. —

«Даааааа, разочаровано протянул мой внутренний голос, что еще можно сказать о себе? И лучше не говорить слово „рада“. Могут зачислить в преступники». — —

Я подошла к зеркалу вплотную. Большие серые глаза и пушистые длинные ресницы мои фавориты, чего не скажешь об остальном. Угловатые плечи, тонкие ноги и руки, вся слишком хрупкая, почти полупрозрачная, незаметная. Меня может сломать даже один неодобрительный взгляд. —

Волосы, покусанные Ножницами с нулевого этажа, чуть дотрагиваются до плеч, робко и неуверенно щекочут выпирающие ключицы. Слишком костлявая от извечного недоедания. Впрочем, как и все.

Резко прозвенел утренний городской будильник, настойчиво возвращая на место мои блуждающие мысли. Время идти в новую жизнь. Снова.

Я повязала на пояс прозрачный футляр, в котором помещалось все необходимое: мой переносной холодильный гель, наполненный обеденными шариками, и гибкий личный экран, свернутый в аккуратный рулончик. Все это можно было спокойно уместить в карман, но я любила носить футляры. Они ассоциировались у меня с дамскими сумочками из Прошлого и пока были не запрещены.

Все футляры одинаковые по размеру, форме, степени прозрачности. У нас здесь все одинаково.

Забежав в лифт, я поспешно выхватила свой утренний кофе из открывшегося окошка.

Очередного утра и продуктивного дня, – металлическим голосом поприветствовал меня лифт. И резко ухнул вниз, моментально достигнув нулевого этажа. —

«Ножницы уже всюю работают! И кто ходит стричься в такую рань?»

Я невольно улыбнулась, приветствуя Ножницы. Это не человек. Просто робот-ножницы из парикмахерской на нулевом этаже. Но я всегда здороваюсь и желаю хорошего дня. И пусть выгляжу глупо, здороваясь то с лифтом, то с кофейным автоматом или с ножницами, зато от этих маленьких действий на душе становится чуть теплее.

Выбегаю на улицу. И глубоко вдыхаю привычный с детства аромат сгоревших колодок! Бодрит! Люблю этот технический запах. Говорят, раньше так пахло под землей: люди пользовались метро. В наше время это запах города и всего вокруг. Даже искусственные серые листья

пахнут так (еще совсем маленькой я тайком нюхала их в надежде обнаружить что-то, чего не ощущала раньше – это та малость, что осталась в моей памяти из детства...).

Бегу до ближайшего к дому монорельса. До моей новой работы добираться не больше получаса. Счастливики вон там, в воздухе, – владельцы воздушных капсул. Элита нашего Сектора. Они не тратят свое время даром. Раз – и оказались где нужно. Не могу представить себе, как раньше у людей дорога занимала столько времени. Хотя... к чему нам сейчас это освободившееся время? Теперь мы работаем больше.

Я с тоской посмотрела в наше искусственное серо-зеленое небо, переполненное блестящими флаэро с важными птичками внутри них. Улыбаюсь. Подумать только, кто-то испытывает чувство полета каждый день.

Секунда промедления стоила мне пролитого на мое тонкое платье кофе и обожженной руки. Сосредоточенный на своем экране прохожий нечаянно толкнул меня, уносясь вперед.

Делать нечего. Сама виновата, растяпа. Дую на руку и бегу вслед за толпой к остановке. Я – пазл этой большой туманной серой картины. Винтик. И должна винтить побыстрее, если не хочу остаться без работы.

С трудом влезаю в переполненный шаттл. За последнее время поменялось многое: технологии, экология, мораль, нормы, а вот уклад среднего человечка – все такой же. Дорога, работа, дом – и выжить бы!

Мечтаю ли я о чем-то ярком? Нет. Иногда ловлю в груди необъяснимую шемящую тоску. Но и только. Эра Достигаторов прошла. Те времена, когда люди могли выбирать, куда и как им двигаться, кем быть, остались далеко в Прошлом. А я стараюсь жить в настоящем, лишь редкими вечерами грешу и залезаю на запрещенные страницы мировой паутины, чтобы почитать тайком о прошедшей Эре свободы и творчества. От нее веет волшебством и сожалением по утраченному.

– Еще одно утро, – фальшиво произнесла худощавая дама, равнодушно разглядывая меня. – Новенькая? Пристань ВиЭллей? Особые черты: старательность, усидчивость, внимательность. Моральных, эмоциональных, информационных преступлений за вами не числится.

– Все верно, – выдохнула я.

– Вредные привычки?#

– Ну, эммм, – я растерялась, – пью кофе по утрам и еще, бывает, в течение дня.#

Дама лишь усмехнулась и кивнула мне, предлагая следовать за ней, только сейчас я увидела, что вместо обуви на ее ногах были колеса.#

– Тебе повезло, будешь работать в Архиве, работа несложная. Тут, конечно, тебе не кофе пить, но справишься. И тебе не понадобится профессиональная таблетка.#

Она открыла дверь в просторную комнату.

Ничего себе! Я и не думала, что в мире осталось столько бумаги!#

– Это остатки, – небрежно заявила дама. – Твоя задача – избавиться от никчемной бумаги, перенести все в Архив Памяти. Дел тебе хватит на год. Значит, в течение года ты работой обеспечена. Более чем идеальные условия.

– Спасибо большое! С радостью приступаю!#

– Ну-ну, – дама закрыла за собой дверь и зашумела колесами по полу, отдаляясь от Архива.#

Я подошла к первому же стеллажу и прикоснулась к бумаге сначала кончиками пальцев, а потом и всей ладонью. Взяла в руки тяжеленькую стопку – приятная тяжесть, вдохнула запах старой бумаги и пыли. Живой запах.

Защекотало в горле. Действительно, живой запах. Таких уже и не осталось почти! И целый год мне работать здесь! С восторгом я смотрела на эти груды папок и стопок.

Вся комната мне вдруг представилась трещиной между Прошлым и Настоящим. По правую руку от меня возвышался целый лес высоких металлических стеллажей, заставленных кни-

гами, папками с документами, стопками бумаги и пестрыми карточками. По левую руку было по-нашему – пусто. Минимализм. Мое рабочее место: стол с гибким монитором, сложенным в аккуратный квадратик, стул без спинки, вид на серую стену и ничего лишнего. Я изумленно смотрела на эти два случайно соприкоснувшихся здесь мира.

А потом стало так грустно.#

Суть моей работы – искоренить все это богатство Прошлого. Перенести всю информацию в компьютер, и что потом? Куда все это денут? Сожгут? Как и все остальное.#

Три глубоких вдоха. Ну зато сейчас, и завтра, и еще целый год я буду в этом Королевстве Прошлого. Бумага, чернила – кто-то записывал что-то своей рукой. И я со всем этим один на один! И знакомиться ни с кем не надо! Какое счастье, что мне не пришлось пить профессиональную таблетку!##

Я по неосторожности своей рассмеялась:

#– Юхууууу, Архив, привет! Меня зовут Пристань ВиЭллей, и целый год я буду здесь работать.#

#– Не видит дальше своего носа!#

#От испуга и неожиданности я потеряла дар речи и выронила папку из рук, листочки ворохом разлетелись по полу, возмущенно шурша.#

#– Думала, что ты тут одна, – неодобрительно проворчал мой внезапный собеседник. – Вон всю бумагу перепугала!#

#– Здравствуйте, простите, пожалуйста, не знала, что здесь кто-то есть, – я смущенно начала подбирать с пола листочки.#

#– Не кто-то, а Смотритель Архива. Господин Альба, можешь так обращаться ко мне.#

#Седой, будто белый лист, старик прошаркал из недр Архива и остановился в нескольких метрах от меня. Несмотря на скрюченную спину, он оказался выше меня ростом. Мохнатые серые брови и длинная борода обрамляли морщинистое лицо, выцветший серый не то халат, не то плащ ни на оттенок не уступал его уставшим глазам. Удивительно, у нас почти не осталось стариков. А вот господин Альба остался.

– Правила простые: не шуми, не смейся, раньше времени не приходи и не задерживайся тут после рабочего будильника. И мы с тобой поладим.

– Да, конечно, господин Альба.#

Так и начала я свою работу в Архиве.#

Позже оказалось, что правил у господина Альба куда больше.

– Не заговаривать с ним первой.#

– Не задавать вопросов.#

– Не шуршать сильно бумагой.#

– Не включать слишком много света.#

– Не пить кофе в перерывах (его очень дразнил запах кофе).#

Однажды я принесла ему стаканчик: подумала, что ему будет приятно. Но ошиблась. Еще несколько дней он раздраженно бурчал себе под нос что-то о моем потерянном поколении. Я не понимала, что плохого было в моем поступке, но непонимание между поколениями испокон веков было чем-то неизменным. Жаль, что мне уже некого будет «не понимать».

А если б было, если бы я знала, что у меня будут дети, внуки, правнуки, то непременно вела бы дневник о своей жизни, о нашем времени, нашем городе. Я уверена, окунуться в прошлое – всегда интересно. Вот точно такой же дневник, как у девушки из XX века. Ее звали Офелия, и именно ее дневник я сейчас перенесла в компьютер и горестно сложила в контейнер с надписью «На утилизацию».

На несколько минут я задумалась. А что бы я написала в своем дневнике? Ведь моя жизнь такая же серенькая, как и цвет волос. В каком жанре был бы мой дневник? Уж точно не захватывающее приключение. И не роман: в наше время любовь считается одним из самых

тяжких эмоциональных преступлений, как и дружба, как любая привязанность к себе подобному. Мой дневник не стал бы детективом: преступлений в Среднем Секторе не происходит. И это прекрасно.

Возможно, мой дневник стал бы просто маленьким очерком о нашем городе.

Я долго думала о том, как именно мне стоит вести дневник? Ведь если записывать все, что происходит каждый день, можно будет просто переписывать самую первую запись снова и снова, с некоторыми незначительными изменениями. Поэтому я решила, что буду записывать так: «», а второй может и не наступить или же я проживу пару месяцев, прежде чем случится что-то достойное записи в дневнике. Тогда-то и запишу «». Буду исчислять дни именно записями тут. Вот и все. *День первый ведения дневника* *День второй ведения дневника*

День 1 ведения дневника

Особенности нашей жизни.

В наше время все устроено очень мудро. Представьте, ни у кого нет долгов ни перед Государством, ни перед собой.#

Знаю, раньше были живые деньги: монеты, бумажки, пластиковые карточки. Сейчас такого нет. За каждым жителем закреплен личный счет, на который ему начисляют денежные единицы.#

Каждое первое число месяца люди просчитывают каждую потраченную единицу наперед.#

#Вот, например, моя зарплата в Архиве – это 100 единиц.#

#Из этого:#

#50 единиц – налог Государству.#

#20 единиц – оплата моего жилья и Интернета.#

#10 единиц уйдет на продукты (белковая смесь, абонемент на кофейные капсулы, бобовая паста, желе на десерт – могу позволить себе по выходным – и пара мешков современного комбикорма).

#10 единиц – на проезд до работы.

#И еще 10 единиц стратегического запаса.#

#Например, в прошлом месяце я постриглась на три единицы у Ножниц с нулевого этажа, на одну единицу купила лишнее желе, когда было ну очень грустно, на две единицы купила платишко (такие покупки у меня очень редко, обычно в случае крайней необходимости, когда старое платье уже не надеть), и еще четыре единицы... не могу сказать, куда потратила... но когда-нибудь признаюсь.#

#Таким образом мы расписываем свои будущие расходы каждое первое число месяца, заносим данные в систему своего профиля, и система выдает единицы по уже заранее прописанным потребностям. Никто не может внезапно потратить деньги – все продумано и занесено в систему.

Нет возможности захотеть съесть больше желе – система просто не позволит потратить лишнее. Поэтому все живут четко по возможностям. Без спонтанных и лишних трат.#

#Вот такая умная система.

Кстати, копить ничего нельзя: если не потратил в этом месяце свой стратегический запас, то Государство обнулит его в последний день месяца.

Уверена, раньше было больше свободы в финансовой сфере. Но и в те времена люди не были довольны! Такой он, наш странный мир.

День 2 ведения дневника

Сегодня у меня выходной.#

В свой выходной мы обязаны явиться в Новостной пункт. Раз в неделю мы всем районом смотрим новости. Наверное, это единственный час, когда люди собираются вместе.#

Время строго регламентировано. Без регламента мы не общаемся, чтобы не вызывать споров, ссор, сплетен, лишних личных привязанностей.#

Признаться, меня радуют такие еженедельные сборы. Люди кажутся все более знакомыми. Правда, каждый год приходится менять работу и место проживания, чтобы не было привязанностей. Ведь если осесть на одном месте, жди беды: обязательно появятся друзья, а где друзья, там и эмоциональные преступления.#

Поэтому живем мы одиноко, монотонно, но зато без войн, убийств, краж.#

В Новостном пункте вещает вестник-робот. Иногда мы просто слушаем о том, что происходит в Среднем Секторе (обычно ничего нового), иногда нам показывают наших Властителей. Мы обязаны славить их, хором повторяя мантры за здоровье и благополучие чиновников нашего Сектора. Но, честно говоря, мне даже смотреть на них жутко. Наши властители совсем не похожи на нас. Они типичные представители современных людей, homo sapiens 2.0, их тела адаптированы под сидячий образ жизни. Фигуры их, с атрофированными конечностями и большими головами, имеют расплывчатые очертания – очень сложно угадать, мужчина перед тобой или женщина, тела их похожи на кожаные мешки, наполненные дрожащим желе. Они не умеют ходить и передвигаются исключительно на умных каталках. Но зато представители homo sapiens 2.0 очень образованные, мудрые, решают все-все насущные проблемы нашего Государства.

Какие именно проблемы, нам не говорят, чтобы лишний раз нас не беспокоить. Но они явно заслуживают то место, которое занимают.

Каждый год при поступлении на новую работу мы выпиваем профессиональную таблетку. Нам не нужно заканчивать университеты для освоения профессий. На год каждый может стать настоящим финансистом или же инженером: нужно лишь выпить таблетку с заложенными в нее знаниями и памятью предыдущих сотрудников, отработать целый год, а потом «сдать» свои знания и память обратно. Правда, у этих таблеток есть побочный эффект: страшные головные боли и утеря воспоминаний из своей собственной жизни.

Но Государство отчаянно ищет выход из сложившейся ситуации, проводя исследования.

День 3 ведения дневника

Все! Не могу скрывать дольше! Так хочется поделиться с кем-то! Делюсь с дневником.#

Я – эмоциональная преступница. Средней степени тяжести.##

Четыре единицы своего стратегического запаса я потратила на Зеркальную Сеть! Коротко – «Зеркало».

Есть Легальная Сеть, в которой, что бы ты ни делал, все видно Государству. Каждый твой шаг.

Для чего нужен Интернет, если у нас нет хобби, нет общения? Для фильмов и игр. Фильмы и игры нашего времени – строго под контролем Государства. Нет такого понятия, как «кинокомпания». Государство – это и кинокомпания, и все что угодно еще.#

А вот «Зеркало» Легальной Сети – это как раз та самая тень, которую государственным службам ну очень сложно отследить!#

И я состою в ней. Это ужасно. Но это факт.

Что я делаю здесь? Общаюсь! И, что еще хуже, уже третий раз с одним и тем же аккаунтом!#

Я не знаю, кто он, мужчина или женщина, где работает, как выглядит. Но...

Расскажу по порядку.#

Отец и Мать. Оба были для меня Богом. Маму я любил, как Бога, а Отцу верил, как Богу. ...слишком белые волосы... Бог был всепрощающим, милостивым и бесконечно любящим в лице Мамы, но в то же время равнодушным, отстраненным, жестоким в лице Отца. ... все время тащил меня... тащил из меня...

Бог и любил меня, и не любил...

...Я слышал детский плач. Я хотел помочь тому, кто плачет, но меня никогда не пускали...

Вечерами Мама сидела на своем уютном пуфе и читала мне книжки о девяти принцах, я усаживался на пушистый ковер, непременно у ее ног. Здесь был мой Рай. ...лунный свет из ее глаз ласково катился по моим рукам...

А Отец... Он забирал меня у Мамамы так часто, что Рай всегда был коротким мигом, и он тащил меня за собой туда, куда я не помню. ...воспоминания скрипели от страха... и я снова слышал детский плач...

Это он познакомил меня с Пересмешиником, назвав его своим сыном – так же, как и меня. ...все, что он попросит...

Вот только... я обожал Бога, а Пересмешиник люто ненавидел.

Мой новоявленный брат оказался очень властным. И моим вниманием он хотел владеть безраздельно и безгранично.

Однако он знал, что больше всего на свете я люблю Маму. И он стал изводить ее каждый раз, когда я проигрывал ему.

И я ничего не мог сделать. ...слишком белые волосы...

Я видел, как она страдала. Он оскорблял ее, унижал, он терзал ее душу и рвал ее сердце, но она всегда прощала его.

А я страдал еще сильнее от того, что не мог ее защитить.

...все, что он попросит...

Я умолял Пересмешиника перестать мучить Маму! Я играл с ним так яростно и страстно, как только мог, чтобы выиграть, чтобы он не трогал ее!

Но, как я ни старался, выигрывать несколько раз подряд у меня не получалось.

— Мне. Очень. Нужен. Ревани, всякий раз повторял Пересмешиник. Он был сильнее меня, и я не мог сопротивляться его воле.

...пол в лаборатории Отца не хотел стоять...

...он бил меня, когда моя нога пыталась его раздавить...

Однажды Пересмешиник задал мне вопрос и попросил ответить искренне:

– О. Чем. Ты. Мечтаешь?

Я ответил честно, как меня и попросили.

– Я мечтаю, чтобы тебя никогда не было.

Пересмешиник затаился после моего ответа. И мы не играли несколько дней. ...тишина в моей голове пульсировала в горле...

Я чувствовал свободу, ощущал счастье, веселился, смеялся, много улыбался. Проснулся давно пропавший аппетит.

Мы проводили с Мамой вечера, и мы оба были так счастливы вместе!

Так непростительно счастливы!

...а он все тащил меня или тащил из меня...

Мы дышали полной грудью, предоставленные сами себе.

Отец уехал на несколько дней, а Пересмешиник спрятался. Холод рядом с Мамой был яркий, а без нее был темный.

В тот вечер я пожелал Маме доброй ночи и крепко обнял, сказал, как сильно люблю ее и отправился спать.

А на утро...

Я обнаружил в своей комнате Отца.

Он сказал, что Мамамы больше не будет с нами, что я уже никогда ее не увижу. ... яркий холод спрятался...

Я бросился к нему с кулаками, давился слезами, криками, мольбами. Я не понимал, что произошло и почему Мама больше не хочет быть со мной?

Но Отец схватил меня за ворот, грубо отшвырнул и запер одного.

Нет... не одного.

Из угла комнаты на меня смотрел Пересмешиник. И улыбался. А я остервенело чесал зубами свои руки. ...как мне вспомнить завтра...

...и детский плач больше никогда не лез мне в уши...

...я убрал источник плача?

Глава 2. Я изменяю реальности

Три выходных назад я бродила по Зеркальной Сети. Общение у меня случалось и раньше. Но, чтобы не вводить себя в разряд преступников высокой степени, я никогда не общалась с одним и тем же аккаунтом более одного раза.#

Обычно поболтаешь, поддержишь беседу, но и только.#

А с АК1874 все пошло наперекосяк.#

Наверное, случилось это из-за того, что изначально наша беседа была необычной. На том конце виртуальной реальности мной вдруг заинтересовались.#

Если раньше беседы с другими аккаунтами были очень отстраненные: про новости, финансы, Государство, – то здесь все сразу стало слишком личным.#

В итоге я даже проболталась, что собираюсь работать в Архиве. Не понимаю, как так вышло.

И вот я снова в Сети и жду, когда АК1874 засветится белым цветом (значит, аккаунт в Сети).#

#

#– Привет, я на связи, – АК1874 набирает сообщение #

(вот даже это приятное волнение, которое я испытываю, получая его сообщения, уже считается преступлением). – Как прошла неделя?#

#– Привет! Очень рада снова читать тебя! Действительно испытываю чувство радости...#

#– Хах! Видели бы тебя сейчас гос. надзиратели! Ты улыбаешься?#

#– Ой, пожалуйста, не нужно об этом. Я постоянно мучаюсь и каждый день думаю, что лучше нажать кнопку «забыть аккаунт» и не находить тебя больше в Сети.#

#– Полагаю, ты это несерьезно. Как дела в Архиве?#

#– Эх, да все так же. Господин Альба постоянно ворчит на меня, не общается. На днях принесла ему кофе, он только еще сильнее закрылся. Но я понимаю: думает, что я его провоцирую на преступление.#

#– Он совершенно прав: с чего это брать кофе из рук другого человека? Неуместные знаки внимания. Не путай «Зеркало» с реальностью.#

#– Я не путаю... Просто думала, ему будет приятно.#

#– В реальности веди себя так же, как и все, не забывайся. До сих пор поражаюсь, как ты еще жива с таким-то характером!#

#– С каким «таким»? Что ты говоришь?#

#– Не понимаю, как тебя воспитали? Не рассказали, что нормально, а что нет?#

#– Наша переписка приобретает странный оттенок. Кажется, будто ты недоволен. Или недовольна? Как лучше?#

#– Оставь «недоволен». #

#Теперь я могу предполагать, что это не девушка.#

#– У меня давно нет родителей. Когда я была маленькая, что-то случилось, и меня отправили в Детский корпус. А после... я не помню несколько лет из жизни. Мне стерли память. Впрочем, как и всем.#

#– Теперь я примерно понимаю твой возраст!#

#– А ты... сильно старше?#

#АК1874 погас.#

И снова разговор прерывается на неудобном для него вопросе. Все из-за меня. Надо поменьше лезть и спрашивать. Охватила ужасная грусть. И даже норму кофе не превысить. Весь запас ушел на оплату Сети. Пустота.

День 4 ведения дневника

Каждый мой новый день похож на предыдущий, но это и неплохо. Это полное спокойствие, отсутствие стресса, рисков, неожиданностей. Отсутствие разочарования, потому что ты ничем не очарован.#

Утром, спускаясь в лифте на улицу, я беру из окошка свой кофе. Бегу к остановке, еду в Архив. Господин Альба стабильно недоволен моим присутствием.

Звенит рабочий будильник, как сирена, по всему городу. Минута – и толпы народа едут домой. Точнее, я бы сказала, регламентировано перетекают из объятий чопорных офисов в объятия равнодушных квартирков. И не согреться в этом городе.#

Дома меня ждет ужин (обычно витаминная смесь или бобовое пюре) и фильмы.#

Я с благодарностью принимаю жизнь такой, какая она есть. Но с тех пор, как пустилась во все тяжкие и стала общаться с человеком в «Зеркале», я сама не своя. Что-то внутри мечется и просится в Сеть. Но я знаю, что нужно ждать целую неделю.#

Совсем скоро первое число и новый расчет средств на текущий месяц. Меня посещает все чаще одна не самая умная мысль: а если оставить из стратегического запаса чуть больше четырех единиц – например, пять единиц на «Зеркало»? Это даст мне еще один день доступа.#

Четыре единицы – это доступ на месяц раз в неделю. А далее по одной единице – один дополнительный день в неделю.#

Мой новый знакомый говорил мне как-то, что бывает в «Зеркале» гораздо чаще, чем один раз в неделю.

День 5 ведения дневника

Запишу о себе то, что помню. Так я смогу сохранить воспоминания на случай, если мне придется пить профессиональную таблетку в следующем году.

Меня воспитывали в Детском корпусе. Тогда еще были оставшиеся детские корпуса, пока их не упразднили.

Так что я из последнего поколения детей.#

Прогресс генной инженерии дошел до того, что теперь мы выращиваем людей в искусственных матках. Звучит жутко, поэтому я буду говорить «в капсулах». Плод растет в капсуле в течение трех месяцев! В ДНК искусственного человека закладывается информация, которая нужна Государству. Вроде и не роботы, а вроде и не люди уже.

Чтобы управлять человеком, достаточно лишить его детства. Не знаю, куда катится наш мир... Страшно.

Для нового поколения людей, я бы назвала их homo falsum, идет масштабное строительство в Среднем Секторе. Говорят, эти люди будут лучше нас. Сильнее, быстрее, продуктивнее. Они не будут требовать столько расходов воды и пищи. Рождается новая нация.

А что сделают с нами, если мы станем не нужны...

За год до Архива я работала на фабрике по приготовлению порошковых витаминных смесей для нашего населения. Там я чувствовала, что несу пользу людям.#

Еще раньше работала дежурной на одной из станций монорельса. Там я наблюдала за людьми, и мне тоже было интересно.

Одно время на мне тестировали государственные игры. Это очень увлекательно – быть первой в чем-то.#

И ещё целый год я была на раздаче утреннего кофе в лифте одного небоскрёба. Сидела в закрытой кабинке и только протягивала кофе, никто меня не видел, а я не видела тех, кому подаю кофе. Но каждый раз думала, что мой кофе сегодня согреет кого-то. Этой работы больше нет. Все автоматизировано. #

Но я знаю, куда бы ни закинула меня жизнь, я найду свою маленькую радость и буду беречь ее в сердце, никому не показывая.#

Это все, что я помню...

Каждое утро я захожу в Архив, полной грудью вдыхаю аромат старой бумаги. Спасибо миру за то, что я здесь! С улыбкой встречаю недовольного господина Альба и погружаюсь в чудный мир старых документов. Некоторые из них мне кажутся очень ценными для мировой истории, некоторые – просто бессмысленные записки. Но я читаю все запоем.

День 6 ведения дневника

Время пролетает быстро. В душе прячется глупое волнение от приближающегося выходного.

И у меня уже есть идея, как продлить общение с аккаунтом АК1874.

#– Привет! С выходным тебя! – АК1874 набирает сообщение...#

#– Привет! Давай договоримся: ты не исчезаешь внезапно, а я не задаю вопросов о тебе? – поспешно напечатала я.#

#– Идет.#

#– Знаешь, сегодня смотритель не так уж и злобно на меня смотрел. Было что-то новое в его поведении. Интересно. Но я ничего такого не делала. Вела себя как обычно.#

#– Возможно, он привыкает. Старые люди подвержены эмоциональным состояниям.#

#– Я даже не знаю, что сказать, вопросы не задаю, как и обещала. А про себя рассказать нечего. Событий не было. Обычная неделя.#

#– Расскажи, как ты выглядишь?#

#– Ой. Да ничего особенного. Я обычная. Не рисуй там себе картинок в голове. Я не красавица.#

#– Хм. Жаль. Ну ладно. (Мне стало неловко от этого ответа.) #

#– Да чего жалеть-то. Все равно мы никогда с тобой не увидимся. Мы лишь в «Зеркале», и все. Можно все-таки один вопрос?#

#– Можно.#

#– Как часто ты тут?#

#– А как часто тебе надо?#

#– Ну, в смысле, ведь чем чаще ты тут, тем больше нужно потратить из стратегического запаса. И знаешь, я хотела бы, возможно, чуть чаще быть тут...#

#– Зачем? (Поймала себя на мысли, что этот вопрос меня расстраивает.)

#– Я... не знаю.#

#– Давай в середине недели и на выходной условимся.#

#– Давай, если, конечно, ты тоже этого хочешь.#

#– Условились.#

#АК1874 погас.

Когда он так уходит: не попрощавшись, внезапно, – я ловлю в себе неприятные чувства. Я всегда так жду этой виртуальной встречи. И готова говорить хоть до самого утра.#

Получается, мое желание не взаимно.##

День 7 ведения дневника

Первое число. Это первый месяц, как я получила зарплату из Архива.#

Сiju, вношу данные будущих расходов. Честно, в душе скребется котенок.#

Десять единиц стратегического запаса. Четыре из них, как всегда, пойдут на оплату «Зеркала». Остается шесть. В этом месяце я не буду покупать одежду. У меня все есть. Значит, могу позволить себе лишний день в «Зеркале». Но надо ли? С того выходного мысль о том, как можно уйти не попрощавшись, так и не покидает меня.#

Но все-таки оставляю пять единиц стратегического запаса нетронутыми. Смахиваю «не требующиеся» единицы вверх по экрану, чтобы они ликвидировались не в конце месяца, а сейчас. «Зеркальные» хакеры каким-то образом умеют перехватывать «невостребованные единицы» пользователей. Тем самым с пользователей полностью снимается ответственность. Мы ничего не оплачиваем, а лишь списываем со своего счета пять единиц из зарплаты, возвра-

щая их тем самым Государству. А вот то, что «зеркальные» хакеры перехватывают единицы, – это уже «так вышло». #

Открываю баночку с желе. Оно розоватое, сладковатое, с бобовым привкусом и немножечко отдает пластиком. Мне нравится! Сегодня выходной, и я могу побаловать себя такой вкуснятиной. #

Монитор передо мной, делаю вид, что не жду ничего и никого. А на самом деле – жду. #

#– Привет, Мотылек! Как ты? (Когда он назвал меня так, поймала себя на мысли, что не знаю значения этого слова. Вбила в Сети. Картинки мотылей мне совсем не понравились. Неужели он думает, что я выгляжу так ужасно? Но я не стала ему говорить ничего лишнего. И послушно приняла свое новое прозвище.) #

#– Привет, хорошо. #

#– Как неделя прошла? #

#– Хорошо прошла. (Сама не знаю, почему я отвечаю именно так.) #

#– Хорошо-хорошо? #

#– Да. #

#– Эй? Это вообще ты? #

#– Да, я, конечно. Просто подумала, начну набирать длинное сообщение, а ты раз – и выйдешь внезапно. Поэтому пишу коротко, чтобы наверняка успеть. #

#– Ааааааа! Хах! Я тебя понял! Интересно. Я полагаю, так ты выражаешь свою обиду? #

#– Нет, конечно! Если я эмоциональная преступница, это еще не значит, что обязана испытывать негативные эмоции. Я чувствую радость, волнение. #

#– И все? #

#– Нет, еще чувствую непонимание. #

#– Чего именно? #

#– Как можно выйти не попрощавшись, когда, например, нет возможности общаться чаще? #

#– Ты обиделась. Ты себя не обманывай, Мотылек. То, что ты сейчас пишешь, – это называется «обиделась». Уже ночь, так что тебе спать пора, завтра же рабочий день. Еще уснешь на своей работе. Я прощаюсь с тобой. Как мне тебя называть? Твой ник, конечно, очень неудобный: «rrr333».

#– Пристань. (Честно, я поняла, что зашла слишком далеко, только после того, как сообщение уже было отправлено. Но лучше пусть называет меня моим именем, чем «мотылем».) #

#– Тогда я прощаюсь с тобой, Пристань. И я буду ждать тебя здесь в середине недели. Так лучше? #

#– Да, спасибо. Так и правда лучше. #

#– Ну, выходи из Сети. А то мало ли, ты обидишься, что я сделаю это первым? #

#– Я не обижусь, ты что... #

#АК1874 погас. #

День 8 ведения дневника

Как я ждала середины недели! Прокручивала весь наш диалог у себя в голове и ловила какие-то новые чувства внутри. Я очень рада тому, что он попрощался. Я так боялась негативной эмоции внутри себя, такой, например, как обида. А стоило обидеться, и все стало лучше, чем было.

Неужели негативные эмоции могут служить в пользу?

А еще меня изводили вопросы... Кто скрывается под аккаунтом АК1874? Мне безумно интересно... Кто он? Какого возраста? Какой внешности? Где работает? Где живет? А вдруг он живет в том же доме, что и я? А вдруг это прохожий, который толкнул меня случайно, когда я пролила кофе? А вдруг? #

В условленный день я с трепетом в сердце вышла в «Зеркало» и стала ждать его. Мое внимание сразу привлекла новая кнопка на мониторе. Такой раньше не было. «Молчание смелых».

Подумать только, и почему она появилась только сейчас.

#

Тихая ночь моей маленькой квартирке. Мое личное серое пространство размером в 20 квадратных метров. Я так его ценю. Здесь все минималистично, как и во всех квартирах: узкая кровать, домашний монитор, душ, встроенный в стену, на который у всех отведено строго пять минут, и голубоватый биохолодильник, также встроенный в стену, без полок и дверей, просто окошко из биополимерного геля, куда мы помещаем еду для сохранности. И самое чудесное здесь – это огромное панорамное окно от пола до потолка. Такое окно есть в каждой квартире, но жить на верхнем этаже и каждый день любоваться панорамой города мне выпало впервые. Раньше мне попадались квартирке на нижних этажах, с видом на улицу. Спать порой было жутковато – как будто на виду у всех. Хотя снаружи окна – темные квадраты, отражающие город, и что происходит внутри – никто не видит, кроме гос. надзирателей. Они патрулируют город и могут свободно, сквозь свои очки увидеть любого в его квартире, хоть на нижнем этаже, хоть на самом верхнем. Хорошо, что они не могут увидеть, что именно человек делает перед монитором. Смотрит государственные фильмы или общается в нелегальном «Зеркале»!

Пока жду, решила все-таки кликнуть на «Молчание смелых». #

Это оказался новостной канал «Зеркала». Я не понимала, шутка все это или что:#

«Государство снова безуспешно пыталось прорвать Зеркальную базу данных».

«Благодаря Хаку Аттеосу, отцу-основателю „Зеркала“, данные пользователей в полной сохранности и безопасности». #

«Подземный город разрастается, будь с нами!»#

«Хватит быть „биомусором“, строй свою жизнь!»

«Грехи Государства. Туши пожирают человечество».

«Сплетни Золотого города».

«Сводка статей от Невидимки. Sub Rosa».

«Искусственные люди – угроза всему живому».

#

Я читала заголовки, читала комментарии пользователей, все эти новости. Сколько людей здесь общаются? Они все знают друг друга... Они общаются так открыто.

Я вздрогнула от неожиданной мягкой вибрации монитора.#

– Ты тут?#

– АК1874, привет! Я думала, что перепутала дни, боялась, ты не придешь. Послушай, что здесь происходит сегодня? У меня появилась кнопка «Молчание смелых». Там какая-то страшная информация. Я не понимаю. Подземный город, Золотой город... Что происходит?#

– Система «Зеркала» повысила твой пользовательский статус. Ты теперь продвинутый пользователь. Ты потратила больше, чем четыре единицы стандартного доступа, и впервые посетила «Зеркало» в будний день.#

– Что это все значит? Я ничего не понимаю.#

– Мотылек, мир, в котором ты живешь, – это не единственный мир. Есть другие, так скажем, города. Есть места, где все не так, как ты привыкла, где люди общаются между собой. Есть Подземный город. Там сплошные преступники. Ты можешь читать об этом, знать, но не вздумай туда лезть. Если они попадают на надзирателям в Среднем Секторе, их ликвидируют.#

– Какой ужас! Они живут только под землей?#

– Нет, они есть везде, ведут себя как обычные люди. Но на самом деле они – Подземные. Преступники-революционеры, которые планируют свергнуть Государство Среднего Сектора.#

– Кто такие «туши»?

– Собственно, Государственные чиновники, которых славят в Новостных пунктах.
– Какое смешное название.
– Не смешное.
– А Золотой город – где он?#
– Он, можно сказать, на верхнем ярусе. Туда не попасть.#
– Сегодня мой мир перевернулся с ног на голову. Я ничего не понимаю.#
– Ты, главное, поменьше эмоционируй. Мне пора. Встретимся в выходной. Будь осторожна, тебе точно посыплется спам с призывами вступить в Подземелье. Не отвечай.

Он вышел из Сети. А я просидела всю ночь, изучая что происходит в мире, о котором ничего не знала до этого.

Это был шок.#

Итак, как я смогла сама разобраться, наш мир состоит из нескольких слоев-секторов. Самый просторный и густонаселенный сектор – средний по расположению в пространстве. Мой Сектор. Здесь власть Государства, здесь люди живут строго по правилам: работают там, куда направят, не общаются, не испытывают эмоций, пьют злосчастные профессиональные таблетки. Здесь все отлажено, четко, спокойно, люди – винтики в системе. В системе, которой управляют так называемые туши.

Далее, есть «вышедшие из строя винтики», эмоциональные преступники, не просто те, кто тайком общается в «Зеркале», а те, кто спускается в некий Подземный город, нижний сектор. Они называют себя Проснувшимися.

Как я поняла, хакеры «Зеркала» и его организаторы – они точно Подземные. И в Подземном городе люди общаются вместе, как делали это раньше, они испытывают весь спектр эмоций: от любви до ненависти.#

И есть Золотой город, о котором нет достоверной информации, одни слухи и домыслы. Но все уверены, что люди там живут как короли и ушли в своем технологическом развитии далеко вперед. Закрылись там у себя, никого туда не пускают и сами не спускаются.

Интересно, они выглядят как мы или как туши?

Все это время я жила, как слепой котенок. Просто глупый слепой котенок. Жутко. Странно. Нелепо.#

Конечно, я продолжала жить своей обычной жизнью. Но с тех пор как узнала больше, чем следовало, я на все смотрела другими глазами. Тайком заглядывалась на людей, пытаюсь распознать Подземных.#

Поднимала глаза вверх, стараясь увидеть, где там этот Золотой город. Но ничего золотого и в помине не было. Сплошная серая пелена. Мутный защитный купол, накрывающий весь наш Сектор.#

Я до боли в глазах читала новости из «Зеркала», читала комментарии общающихся людей, но никогда не вступала ни с кем в диалог. Только с АК1874 мы потом часами обсуждали новости. У меня была куча вопросов, а он прекрасно разбирался во всем. Сначала он нехотя отвечал на мои вопросы, часто их просто пропускал, менял тему, прощался и уходил. Но со временем привык к тому, что теперь мы разговариваем и на такие темы, и стал со мной более открытым. Для меня он был лучшим источником информации.#

На следующий месяц я решила отказаться от желе и потратить еще одну единицу на лишний день доступа.#

Я спросила у АК1874, как часто он бывает в «Зеркале», и он ответил, что каждый день. А от ответа на вопрос, как же он так распределяет свой бюджет, если на каждый день не может хватать чисто физически из 10 единиц стратегического запаса, он, конечно, уклонился.#

День 9 ведения дневника

#

Теперь мы с ним общаемся всю ночь, он не уходит так быстро, как раньше. Было пару раз, когда я прощалась первая! Начинала не справляться с усталостью и прощалась.# Я по-прежнему рассказываю ему о своей монотонной жизни. Но он каждый раз интересуется в деталях: что делала, как ведет себя господин Альба, какие интересные вещи я прочитала в Архиве, крепкий ли был кофе с утра, ем ли я желе, хватает ли мне витаминов. Ему было важно все. Мной никогда и никто так не интересовался.#

Но я ничего не спрашиваю о нем. Это по-прежнему табу. А меня просто с ума сводит жгучее любопытство! Он знает обо мне все, а я... знаю только ник. И это ужасно несправедливо.

Я стоял на парковочной площадке для капсул. Точнее, я стоял на самом ее краешке. Один шаг в пустоту подо мной – и я навсегда забуду боль после расставания с Мамой.

...слишком белые волосы...

...слишком яркий холод...

Забуду и боль, и себя, и всю свою глупую, никчемную жизнь.

...и Пересмешиника ...меня перестанет тащить...

Он стоял рядом со мной и, кажется, впервые был перепуган. В то время как я был преисполнен решимости. Мы поменялись ролями.

...вспомнить завтра...

Но меня это не радовало: в конце концов, это были последние мгновения до моего шага вперед.

— Ты. Трус! выкрикнул Пересмешиник.

Но я молчал. Я не поддамся на его провокации. ...облака лживые... Облака можно разбить, бросив свое тело в них.

— Ты. Убийца! снова выкрикнул он, в его голосе слышалась злоба. Но ответом ему снова было мое молчание.

— Ты. Никчемный. Сын. Худший! не успел он договорить, как во мне уже закипела ярость, он зацепил меня. Он знал мои слабые места, а я не был таким искусным манипулятором, как он. ...делать все, что просит он...

...он главнее меня...

– Это неправда!

Пересмешиник оказался счастлив моему ответу. Ведь только вступив с ним в диалог, я будто снова начал с ним Играть.

– Не прыгай. Мне ведь. Придется. Прыгнуть. За тобой. И мы погибнем оба.

— Оставайся жить, мрачно ответил я.

...пусть тело мое разобьет лживые облака...

– Я. Не могу. Я. Всегда. С тобой. Где бы ты ни был. Куда бы ты ни пошел. Мой удел. Следовать. За тобой.

Мне показались странными и нелепыми его слова, но я не раздумывал над ними.

...тише ты, тише...

– — Хочешь. Мы найдем. Маму? Пересмешиник приблизился ко мне маленькими, но уверенными шажками.

– — — Не знаю, растерянно ответил я, и колючие слезы обожгли мои щеки. Конечно, я хочу найти Маму! Но Ты снова будешь ее мучить! А значит, не хочу я ее искать! Не знаю! И да, и нет...

– Либо да. Либо нет. Одно. Исключает другое.

– Не всегда...

Он уже был совсем близко, так же на краю, как и я, наши руки почти соприкасались.

– Давай. Придумаем Игру. В которой. Мы будем равны? Я. Буду. Играть честно! И если ты. Будешь выигрывать. Сможешь видеть Маму. Без меня.

— Я боюсь, что мы так и не найдем ее, в глубине души я отказывался верить в это, но что-то подсказывало мне, что это именно так.

...яркий холод был нужен ...яркий холод будет стоять рядом...

— Ты. Не помнишь. Что. Было. В ту ночь, констатировал Пересмешиник.

— Нет, я отчаянно пытался вспомнить, но я помнил только, что я спал. А значит, не спал только Пересмешиник, и это он виноват в том, что Мама исчезла!!! Только он! И если я спрыгну, а он сделает это следом за мной он умрет.

...мы вместе разобьем лживые облака...

Впрочем... Возможно, смерть не самое суровое наказание для него. Он должен был мне проиграть! Проиграть по-крупному! Проиграть не раунд, а целую Игру!

...тише, тише... оно жужжало оно...

И тогда, стоя над пропастью, я поклялся, что уничтожу Пересмешиника так же, как он уничтожил меня. Уничтожу его Эго, уничтожу его Суть, оставив при этом в живых.

Конечно, когда мы вернулись домой, он не сдержал свои обещания. Он нажаловался Отцу и растрепал, что я хотел сделать!

...и Отец не тащил меня... Отец презрительно осмотрел меня и заявил, что я слишком слаб, что ему противно видеть своего Сына таким. Я – его ошибка. ...и я упал вмятку лицом...

В наказание он отправил меня в Пустошь на долгие пять лет.

Пересмешиник последовал за мной, он явно не ожидал от Отца такого сурового наказания и проклинал себя за свою же непродуманную жалобу. ...делать все, что он попросит...

Он заявил, что будет меня защищать в Пустоши, что уничтожит всякого, кто решит приблизиться ко мне со злым умыслом или добрым. Для него это было неважно.

Он только хотел, чтобы мы продолжали нашу Игру. Ради нее он был готов на все.

Тогда я понял его слабость.

...тише ты, тише...

оно жужжало... жужжало оно...

Глава 3. Кайт

День 10 ведения дневника

Время идет, а я чувствую, какой полной стала моя жизнь за последние полгода. Я люблю свою работу, господин Альба почти не сверлит меня недовольным взглядом. Мы желаем друг другу доброго, а не очередного утра и разбредаемся по разным уголкам Архива. После работы я спешу домой с трепыхающимся, словно перышко на ветру, сердцем и сначала погружаюсь в новости и узнаю все, что могу, о том, что происходит в мире.#

А потом появляется мой замечательный АК1874, и мы болтаем.

Разве может жизнь быть прекраснее, чем сейчас?#

С утра я заливаю в себя кофе покрепче и спешу на работу. Я разглядываю прохожих и думаю о том, есть ли у кого-то такая же тайная жизнь, как и у меня? Или они довольствуются только нашим сереньким мирком?#

День 11 ведения дневника

– Было бы отлично, если бы ты позволил мне получить хоть крупицу информации. Так сложно общаться столько времени и называть тебя этим бездушным АК1874. Я не принуждаю, не навязываюсь, просто... просто говорю, что меня терзает уже долгое время. Мне ничего не нужно, только бы знать твое имя.#

– Кайт.#

Сердце бешено заколотилось! Какое... родное имя. Я никогда раньше не слышала его. Но оно молниеносно стало для меня родным. И самым красивым.#

Весь день после этого откровения с его стороны я прокручивала в голове волшебное сочетание букв. Кайт. Так лаконично и мягко.

Иногда позволяла себе произнести шепотом его имя, и мурашки шли по телу от того, что я слышала в атмосфере это сочетание звуков.#

День 12 ведения дневника

Сегодня переполох в Новостном пункте. Ну, «переполох» – это громко сказано... Но чувствуется напряжение. Уже в толпе витает какая-то просочившаяся информация – что-то касается последнего детского поколения. То есть и меня.

Мы – те, у кого все-таки было детство, самые молодые и, как считает Государство, самые подверженные влиянию эмоций – ведомые.

Я смирно и тихо стою в толпе, ожидая новостей.#

– Очередной выходной, уважаемые граждане. С первого числа вводится закон о дополнительном надзоре над всеми выходцами из детских корпусов, должна быть проведена вакцинация и особый контроль за использованием стратегического финансового запаса. За последние месяцы было выявлено повышенное количество «невостребованных единиц». По предварительным данным, они используются для доступа к Зеркальной Сети, именуемой «Зеркало», которая, напомним, считается нелегальной и крайне опасной для мирных и законопослушных граждан.

Этот холодный голос робота-вестника просто перевернул во мне все, но я не подавала вида. Все спокойно выслушала и молча отправилась к себе домой.#

Остался один выходной общения, и дальше пойдёт какое-то наблюдение за нами...

– Кайт, ты, наверное, уже знаешь... это какой-то кошмар! Я в истерике, не знаю, что делать! Я только что из Новостного пункта! Вам тоже уже сообщили?#

– Пока не в курсе, Мотылек. Что за паника? (Он точно не из моего района и по-прежнему называет меня «мотылем».) #

– Сегодня сказали, что будут с особым вниманием следить за использованием стратегического запаса всех из моего поколения, что Государство считает именно нас самыми ведомыми!#

– Ну, в этом они правы!#

– Я не знаю, как теперь мне тратить свой запас! Что делать? Я с ума сойду! Они хотят снова мою жизнь запихнуть в тот серый футляр! А я не смогу уже без нашего общения, Кайт! И без этого виртуального прикосновения к обществу, без новостей. Ведь, если я снова стану обычным рядовым пользователем, мой статус понизится и закроется доступ ко всему.#

– Сколько единиц ты тратишь сейчас на доступ?#

– Уже шесть...

– С первого числа возвращаешь четыре единицы на «Зеркало». #

– Это всего лишь один день общения в неделю!#

– Как я уже сказал, с первого числа оставляешь четыре единицы и по-прежнему сливаешь их на «Зеркало». #

– Они сказали про какую-то вакцинацию!#

– Первыми под вакцинацию, надзор и допросы попадут те, кто на эмоциях и в панике с завтрашнего дня внезапно сохранит весь свой запас, который они сливали месяцами до этого объявления!#

– Кайт... Это ужасно... Может, тогда просто все оставить как есть? Оставить шесть единиц?#

– Я уже все сказал. Государство и так понимает все. Оставляй четыре единицы, чтобы не выделяться сейчас.#

– Да. А то, что мы теперь будем общаться раз в неделю, тебе нормально?#

– Мне нормально. Сделай, как я сказал, Пристань. (Теперь я уловила разницу: когда он общается по-хорошему, я «мотыль», в остальное время – Пристань. Возможно, слово «мотыль» распознается им, как нечто доброе. Буду теперь понимать...) #

#

День 13 ведения дневника

Весь день чувствовала себя разбитой. Но я справляюсь. Играю свою роль. Все так же прячу глубоко внутри свои эмоции, еду до Архива, выполняю работу.

Но вчера... случилось необъяснимое.

Я начала перепечатывать одну художественную книгу – и поняла свою ошибку! Столько времени было у меня в Сети, а книг я не читала никогда! Читала новости, читала о Прошлом, факты, события, историю. А вот настоящую художественную литературу – никогда!

И я так погрузилась в чтение и перенесение книги на носитель, что пропустила рабочий будильник!

Спихватилась лишь спустя час! Начала поспешно собираться и тихо-тихо, на цыпочках пошла в сторону двери, чтобы господин Альба не заметил, что я задержалась. Как вдруг услышала шепот.

Была бы поумнее, просто пошла бы домой. Но я начала вслушиваться...

Слышно было плохо... И я остановилась на распутье...

Где-то вдалеке виднелся слабый отсвет среди всех этих однотонных стеллажей.#

Господин Альба разговаривал с кем-то и делал паузы в ожидании ответа собеседника, только собеседник... молчал...

Собеседника не было. Я сделала еще несколько шагов... и еще... и заглянула за один из стеллажей, откуда, как мне казалось, шел свет.#

Собеседника не было. Господин Альба отправлял голосовые сообщения в монитор. В «Зеркало»! #

Он преступник! Он знает про «Зеркало»!

А если он увидит меня? Ноги и руки стали ватными, я никогда раньше не испытывала такого чувства страха!#

– Да, я понимаю, что теперь всем им грозит опасность. Но люди, живущие столько лет без эмоций, получив их, начинают терять разум и логику действий.#

На экране появился ответ.#

Господин Альба кивнул в ответ невидимому собеседнику.#

Мое сердце колотилось. Я уже не знала, как мне уйти, все тело было тяжелым, ноги не слушались, зато уши слушали все, что не надо.#

Я снова выглянула из-за стеллажа и посмотрела на аккаунт Господина Альба: мой аккаунт, по сравнению с его, – просто скука. У него было очень много цветных кнопочек на мониторе. Он еще более продвинутый, чем я, судя по всему.

Монитор внезапно погас, и господин Альба увидел в отражении мою глупую голову.

Я вздрогнула, как ушибленная током, и бросилась вон из Архива.

Вылетела в коридор здания и даже не сбавила темп, скорее бы на улицу.#

Где-то вдалеке открылась дверь Архива. Он что – гонится за мной?#

Ужас овладел мной. Руки дрожали, внутри дрожало все, что уж там ссылаться только на руки.#

И уже потом, когда шла от остановки монорельса до дома, я поняла, что значит слово «паранойя». Мне мерещилось, что все следят за мной. Я забежала в квартиру и молниеносно закрыла дверь за собой, сползла по двери на пол и начала дышать...#

Что теперь делать?#

Сегодня первое число, и мне нужно распределить бюджет. А значит, поговорить с Кайтом и все ему рассказать я смогу только через четыре дня! И кто знает, доживу ли я до этого...#

Как же долго я не могла решиться потратить всего лишь четыре единицы на заветное «Зеркало». Но почему-то мне было страшно послушаться Кайта. Я никогда его не встречу, он ничего не сможет мне сделать. Скорее всего, я боялась послушаться и потерять общение с ним. Сердце скрипело, как механическое устройство с неполадками, когда я потратила всего лишь четыре единицы.#

По привычке открыла «Зеркало», хотя знала, что не попаду в Сеть... Но... весь мой аккаунт пестрел разными кнопочками! Точь-в-точь как у господина Альба. Я была в Сети!

– Привет, Мотылек!#

– Кайт! Как это? Я потратила четыре единицы – все, как ты сказал! Что случилось? Я в Сети в день, когда не должна была, и у меня нереально продвинутый аккаунт!#

– Да, у тебя есть максимум, который может предоставить «Зеркало». Подарок тебе за послушание.

– В смысле? Это... сделал ты? Как это возможно?

– Есть такая возможность, Пристань. Наслаждайся, у тебя безлимитка.#

– Ооо, Кайт! Это подарок? Мне никто никогда ничего не дарил! Да вообще, в нашем мире никто ничего не дарит! Почему ты сделал это?#

– Слишком глупый вопрос, терпеть такие не могу!#

– А что было бы, если б я не послушалась и купила бóльший доступ к «Зеркалу»?

– Осталась бы продвинутым пользователем, но без меня. Не выношу непослушания.

– В смысле? Что это за кошмар, Кайт! Я не верю тебе! Ты бы так легко меня кинул? Все наше общение?

– Увы, да.

Я постаралась не реагировать на его ответ и написала все, что чувствовала.

– Спасибо тебе за такой подарок. Я на самом деле тронута до глубины души. Это первый в моей жизни подарок. Многие о таком даже не думают! Как ты потратил столько на меня? Как ты теперь живешь? А у тебя все еще безлимитка?#

– Да.#

– А глупые вопросы я задавала, потому что хотела услышать, что ты хочешь общаться со мной чаще.

– Разве действий недостаточно? Нужны обязательно слова?

– Нет, Кайт, прости, всего очень даже достаточно! Спасибо тебе! Я безумно сейчас счастлива! Никогда не была так счастлива! Что может быть лучше?

А потом, когда эмоции поутихли, я рассказала ему о том, что попала на глаза господину Альба.#

– Если он сам преступник, то просто напугался, и все. Что он сможет сделать? Все «зеркальные» боятся, что их раскроют. Может, он там валяется в Архиве с инфарктом, он же старый человек. А ты убежала...#

– Ты серьезно? Даже не подумала! Может, стоит поехать туда?#

– Ну смешная! Никуда не надо ехать. Завтра придешь и будешь вести себя, будто ничего не было. Он сам начнет разговор, это он в позиции жертвы. На его вопросы отвечаешь, что тоже знаешь «Зеркало», общаешься минимально. Все, как у обычного человека. В «Зеркале» почти весь город сидит! И все тайком. И Государство прекрасно все понимает, все зависит от степени пользовательского статуса.#

– Правда? Все сидят? И все знают про «Зеркало»? Почему бы тогда не разрешить всем общаться, если и Государство знает?#

– Для чего? Это не то, к чему мы идем в мире, не забывай. Эмоции – источник войн, ненависти, вражды, болезней.

– Ты и правда так думаешь?#

– О фактах не думают, их знают.#

Мы попрощались. А я сделала выводы. Если он смог позволить себе такой подарок, он либо из Подземных, либо... из Государственных.

На следующее утро я зашла в Архив. С виду – как ни в чем не бывало, внутри – нервный тремор в мышцах.

– Доброе утро, господин Альба, – монотонно произнесла я.#

– Доброе утро, Пристань, – также как ни в чем не бывало произнес он и, как обычно, ушел в дебри Архива.#

«Пронесло», – мелькнуло у меня в голове прежде, чем раздался его голос издали.#

– Иди за мной.#

Что делать... что делать... Кайт, как же жаль, что ты сейчас мне не подскажешь.

Я робко пошла на голос.#

Липкий страх окутал и руки, и ноги, они еле меня слушались. Он жертва? Или я? Я ничего не видела...#

– Я ничего не видела! – неосознанно и глупо выпалила я сразу, как только наткнулась на господина Альба.#

Он рассмеялся, отвернулся от меня и бесцеремонно прямо при мне включил «Зеркало». #

– Господин Альба, что вы делаете?

– Мне всегда нравилась твоя несовременная искренность. Удивительно, как ты еще не попала с таким ворохом эмоций на лице! Знаешь, что это? – он указал на монитор.#

– Представляю, что... «Зеркало». #

– Часто посещаешь?#

– Я не хотела бы это обсуждать. Вижу, что у вас много кнопочек, которых нет у меня, – соврала я.#

– Интересно. Я думал, они у тебя есть. Но, видимо, ошибся, – задумчиво произнес смотритель Архива.#

– Но мне неважно, чем вы занимаетесь. Я просто прихожу, работаю, ухожу. Закончится рабочий год, и мы с вами не увидимся. Я выпью следующую таблетку и забуду практически все, что случилось со мной за этот год. Не переживайте, – #я развернулась и пошла к своему месту.

Господин Альба показался мне расстроенным. Да и внутри меня все клокотало.#

Человек! Первый человек в жизни, который попытался со мной пообщаться! Вживую! А я возвела между нами холодную стену! Я испугалась последствий. Хотя так мечтала узнать, что такое настоящее общение.#

Невероятным усилием я поборолла желание побегать к господину Альба и обсудить все на свете искренне и честно! Узнать, как он дошел до безлимитки, а именно такой доступ был у него.

Но я справилась.#

– Привет, Кайт! Я только забежала домой с работы! Фух! Еле жива! Но ты будешь мной гордиться! – и я напечатала все, что случилось сегодня в Архиве.

– Все. Он больше не поднимет эту тему. Даже не думал, что ты легко справишься с этим.

На душе стало очень тепло от его сообщения! И мы проболтали всю ночь. И я смеялась тихо-тихо, но до большого пресса, как никогда, он много шутил сегодня, рассказывал смешные истории и явно пребывал в хорошем расположении духа, называя меня Мотыльком!

День 14 ведения дневника

Хочется жить!

Такое желание внутри – это сумасшествие! Обычно мы просто живем. А теперь все очень непросто. Теперь эта жизнь мне нравится! Ощущение жажды в душе, хочется пить, а напиться не можешь! Хочется больше желе, чем положено. Хочется ехать в шаттле и смотреть на мерно уходящий под него монорельс, хочется вдохнуть запах нашего города, послушать механический шум нашего времени, хочется прийти в Архив, сделать в два, нет, в три раза больше, чем обычно! И вернуться к тому, кто тебя ждет.

Даже не так. Кто ждет! Этот чудо-человек по ту сторону реальности. Моя загадка, самая желанная. *меня*

Неужели жизнь может быть прекрасней, чем сейчас?

День 15 ведения дневника

В один из выходных вышла жуткая, пробирающая до костей статья Подземных.

«Эмоциональные преступники – заложники Шоу!

Эта информация больше не может быть скрытой от вас!

Эту статью я не публиковала, пока источник из Золотого города не подтвердил ужасающие факты.

Некоторые из эмоциональных преступников попадают в Шоу. Зверское, жестокое Шоу в Золотом городе. Проклятые однажды природой и ежедневно проклинаемые всеми нами туши, руководящие Средним Сектором, продают наших граждан, как игрушки!!!

Как вы можете жить под властью этих существ?

Грядет великий переворот! Присоединяйтесь к Проснувшимся! Хватит бездействовать, слепо вверять свою жизнь в руки врагов человечества.

Каждый из вас может стать их жертвой и попасть в Шоу!

На Арену, где над вами будут измываться ради насыщения кровожадных зрителей!

Или же на Ринг, где вас растерзает тот, кто выпадет вам на Колесе Фортуны!

Это может быть лев. Каково это? Быть растерзанным львом заживо? Это может быть змей, волк, стая стервятников, которые заклюют вас до состояния своей пищи.

Это может быть искусственный человек.

Готовы ли вы стать частью публичной смертной казни?

А может, вам не жаль вашего соседа? Вашего коллеги по работе? Друга по переписке в «Зеркале»?

Мы должны остановить продажу наших незащищенных уснувших граждан! Мы должны объединиться!

Автор статьи, Невидимка, бережет вашу психику. Но для продвинутых пользователей есть ссылка на подробную статью.

Жми сюда...»

Меня затошнило от этой «берегущей психику» статьи. Лев? Лев – это же животное... И змей, и стервятники, и волк. Конечно, речь шла о роботах... В статье просто не уточнили...

– Кайт, мне так плохо.

– Что случилось?

– Я прочитала статью, которая в первой строке сегодня в новостях.

– Про шоу?

– Да... Это так ужасно... Я даже представить боюсь, если бы я оказалась на месте... живой игрушки. И встретила с искусственным человеком. Как я боюсь этих живых мертвецов.

– Успокойся и не бери в голову.

– Что значит «не бери в голову»? Как ты можешь такое говорить! Тебя не ужаснула эта статья?

– Что ты хочешь от меня услышать?

– В смысле? Что ужаснула!

– Ужаснула.

– Кайт! Я хочу услышать правду.

– А, ну раз правду, тогда мне все равно.

– Как! Как все равно? Я не понимаю! Это же дикость! В каком веке мы живем, чтобы люди были как звери?

– Люди во все века как звери. Человек и есть зверь. Единственный зверь, который умышленно причиняет зло.

– Да что ты говоришь! Вот именно поэтому Государство и бережет нас от эмоций.

– Я не отмахиваюсь от эмоций и не возвожу их на пьедестал, а тебя штормит. Кидает из стороны в сторону. Пристань, мне нужно выйти из «Зеркала». До завтра.

– Стой! Так нельзя! Кайт!

Но он уже вышел из Сети.

Да как же у него все легко! Бросается словами, мной!

Я почувствовала жжение в руках и напечатала:

– Можешь больше не заходить!

Жаль, не удалить это сообщение. Через час эмоции утихли, а сообщение так и маячило.

Надо сгладить ситуацию.

– Извини, пожалуйста... Ты прав... во всем.

Пустошь, пространство между секторами. Да или нет? Здесь царит хаос и одновременно с этим болезненный порядок!

Это самое сумасшедшее, брошенное, забытое место. Противоречивое и парадоксальное.

И здесь я провел свои пять лет изгнания за попытку самоубийства.

Отец считал, что если я выживу в Пустоши, то мне уже никогда и ничего не будет страшно. Никогда и ничто меня не ломает.

Он ждал моего возвращения, чтобы воспользоваться мной в своих планах.

Я ждал возвращения, чтобы разрушить его планы. ...жужжит...

Представьте огромную пустошь: под ногами твердая серая глина, она тугая и узловатая, в воздухе повис липкий гул тысяч людей.

— По левую сторону от меня камеры Изгнанников. Среди них есть и моя камера мой дом на ближайšie пять лет.

– По правую сторону бордели, кабаки, шоу уродов. ...шелестит...

Я иду чуть вперед и вижу по соседству с борделями серые церкви, выстроившиеся длинной шеренгой. Звон колоколов вперемежку с пьяным смехом илюх. Они простирают свои руки к высокомерным крестам, падают на землю, грызут эту скрипящую на зубах серую глину. Чего они ждут? Избавления от Пустоши?

Впереди целая толпа Сектантов. Как долго они изводили меня, пытаясь затащить на свою сторону. Но Пересмешиник удержал меня. Он все время напоминал мне о времени. И уводил меня прочь. ...но оно нетерпеливо жуужжало...

Вязкая новость распространилась по Пустоши: Сектанты не едят уже несколько суток. Так и сидят на коленях посреди дороги. Через равные промежутки времени каждый подносит камень к своей голове и внезапно начинает тереть им свой лоб. Будто хотят избавиться от чего-то! Будто хотят размозжить себе голову!

Почти у всех окровавленный стертый лоб, бордовые горячие струйки катятся вниз, огибая нос, затекая между губ, заполняя трещины на коже, сливаясь воедино у подбородка и срываясь вниз. ...темный холод тянет меня к земле...

Я молча пробираюсь сквозь эту толпу марионеток Пустоши. Мне противно касаться их, но приходится. Они заполнили собой всю дорогу, так или иначе я касаюсь их безжизненно повисших серых рук, тяжелых голов. Меня окутывает тлетворный запах их давно немых тел.

Мне нужно вперед! К Женщине на Окраине Пустоши.

...там мне надо... надо мне...

Я миную это сборище, и меня в очередной раз выворачивает наизнанку. Падаю на колени и исторгаю из себя болотного цвета массу, она пускает пар мне в лицо, и меня выворачивает снова и снова. Пока я не становлюсь пустым. Здесь это так же буднично, как почистить зубы.

Такой я увидел Пустошь в 11 лет. Я думал, что умер и попал в ад. Возможно, я все-таки прыгнул тогда с парковки... И несу посмертное наказание?

Но Пересмешиник всегда следил за тем, чтобы я не поверил в это. У нашего наказания был срок. И срок медленно, но все-таки шел...

Да...

Глава 4. Мой пятый элемент

День 16 ведения дневника

Сегодня Кайт так и не вышел на связь...

Сообщения все еще были непрочитанными. А значит, он не заходит не из-за них. Неужели из-за вчерашнего разговора?

На нервах я просидела всю ночь, никак не могла успокоиться. Почему он не появился в Сети?! Он никогда еще так не делал за все полгода нашего общения.

На следующее утро в Архиве я была сама не своя – рассеянная, потерянная, что, конечно же, не ускользнуло от внимания господина Альба. Но мне было все равно, что он там думает. Скорее бы закончился этот день, я бежала домой сломя голову, залетела в квартиру и снова уселась перед «Зеркалом».

Но... он и тогда не появился в Сети...

Эмоции стали брать верх, как бы я их ни сдерживала. Что случилось с Кайтом? А вдруг его поймали как эмоционального преступника! А вдруг его отправили на вакцинацию или ликвидацию? Он же потратил столько единиц на «Зеркало», на свой доступ, на мой доступ...

Я снова не спала всю ночь, караулила его.

А утром, убитая, снова поехала в Архив.

– Пристань, с тобой все хорошо? – обеспокоенно спросил господин Альба.

– Да, все отлично, – равнодушно произнесла я. – Спасибо.

Пошла третья ночь. Третья мучительная ночь без него. Нет сил. Под утро я, кажется, уснула. Пронзительный звон городского будильника чуть не вызвал у меня сердечный приступ.

Нет! Не было его в Сети.

Третий. Очередной. День.

– Господин Альба, – все-таки решилась я в обеденный перерыв. – Откуда у вас такой доступ к «Зеркалу»?

Смотритель Архива, казалось, ничуть не удивился моему вопросу.

– У нас у всех такой.

– В смысле? У меня вот нет...

– Ты не умеешь притворяться, ты очень добрая и чистая девочка. Что ты хочешь спросить? Спрашивай.

– Господин Альба, как можно узнать, что случилось с человеком?

– Расскажи подробнее? Какой у него ник и что произошло?

– Нет, я не буду говорить его ник! Он пропал внезапно. Третий день его нет.

– Невозможно будет тебе помочь, если ты не скажешь его ник.

– Значит, есть способ узнать?

– Да, есть.

– Как?

– Обратиться к тому, кто может вычислить, хотя бы примерно, где именно обитает владелец ника.

– Правда? Есть такие возможности?

– Да, Пристань. У Подземных есть множество возможностей.

Четвертая ночь без Кайта окончательно довела меня, и я поняла, что это предел. Я должна говорить с господином Альба более открыто.

– Я готова.

– Что? – господин Альба вздрогнул, он сидел за стопкой книг и не заметил, как я приблизилась.

– Я готова сказать ник. АК1874. Он исчез. Я знаю, он бы так просто не исчез. С ним что-то случилось.

– Даже если так... Как ты собираешься ему помочь? Все, что я могу выяснить, – это из Подземных он или нет. И если он из Подземных, то да, есть шанс помочь ему.

– Помогите... как можете, узнайте, что сможете. Пожалуйста.

– Хорошо. Завтра поделюсь всем, что смогу узнать.

Вечером я вернулась домой без особой надежды. И, открыв «Зеркало», увидела заветное сообщение от него!

Он сожалел о том, что пропал, говорил, что ему не хватало наших бесед, спрашивал, как мои дела. Он был в Сети... А я... Я испугалась как никогда.

Ну почему я так поспешила сказать его ник господину Альба! Какую же ошибку я совершила! И если я ему скажу, он просто исчезнет... Я уже пожила без него четыре дня! Я не выдержу без него... И я скрыла от Кайта, что разболтала его ник...

Знаю, что поступила просто ужасно, и таких мерзких эмоций на душе не ощущала раньше никогда, но я слишком боялась его потерять. Я не стала расспрашивать его о причине отсутствия и просто наслаждалась нашим разговором, нашим очень теплым в ту ночь общением.

– Пристань, какие у тебя глаза?

– Серые, Кайт. А у тебя?

– А волосы?

– Серые... А у тебя?

– А какой у тебя рост?

– Кайт, ну хватит. Маленький рост.

– Бывает такое, что ты улыбаешься, когда читаешь мои сообщения?

– Конечно, бывает, я даже смеюсь. Но делаю это очень аккуратно и тихо, чтобы соседи не услышали. Не переживай.

– А бывает, что плачешь?

– Нет... Ты что... я просто не знаю даже, как это. Такого не было. Наверное, человеку должно быть очень больно?

– А пока меня не было с тобой, ты не плакала?

– Нет... А это плохо?

– Это хорошо. Спокойной ночи. До завтра.

На следующее утро, когда я зашла в Архив, господин Альба уже ждал меня.

– Пристань, доброе утро. Послушай, я тут поискал про твоего друга...

– Нет-нет, ничего не нужно искать больше! Все в порядке, он на связи!

– Да нет, тут дело в том, что...

– Господин Альба, не нужно ничего больше искать про него. Забудьте, пожалуйста...

Архивариус замолчал и задумчиво посмотрел на меня.

– Что-то не так?

– Давно вы общаетесь?

– Я бы не хотела обсуждать это.

– Я понял. Что ж, хорошо, что все хорошо. Тогда спокойно приступай к работе.

Я отправилась к своему столу, а господин Альба тяжело вздохнул, покачал головой и удалился в недра Архива.

Он задумчиво прошаркал мимо множества похожих друг на друга полок, оглядываясь несколько раз.

Подошел к своему «Зеркалу» и напечатал:

– Девочка полностью ослеплена. Не подобраться.

– Спасибо. Значит план Б.

– Может, все-таки будут другие варианты, Хак?

– К сожалению, нет.

День 17 ведения дневника

– Порой мне кажется, что я тебя выдумала, все твои ответы – они такие родные. Не представляю, как можно ощущать к человеку, которого ты никогда не видел, то, что я чувствую к тебе. Я не хочу забывать тебя! Не хочу... Я подам заявление на какую-нибудь простую работу, где не понадобятся профессиональные знания... Но ты... Ты забудешь меня...

– Пристань. Не скажу, что меня радует твое письмо. Скорее, оно настораживает меня. Нельзя давать волю эмоциям.

– Ты самое дорогое и самое светлое, что случилось со мной! Самое яркое и острое! Самое волшебное, нереальное и в то же время реальное!

– Не стоит продолжать!

– Ты прости, но я и так слишком долго молчала! Восемь месяцев постоянного общения! И ты – единственный человек на всем этом одиноком свете, с которым я так общаюсь! Ты – единственный родной мне человек! И «Зеркало» – оно прекрасно. Ведь здесь ты любишь именно душу человека: тебе неважно, кто он, как он выглядит, где работает. Тебе ничего неважно, ты ничего не знаешь! Разве это не прекрасно?

– Предпочитаю не вдаваться в такие детали.

– Кайт, это не детали, это основа.

– Мне не нравится наш разговор.

– Почему? Потому что я говорю правду?

– Потому что вся эта правда к хорошему не приведет.

– Я понимаю! Понимаю! Так устроен наш мир. Но даже так... он прекрасен, ведь мы тут... говорим.. и я знаю тебя.

– Ты ничего обо мне не знаешь!

– Пусть я ничего не знаю о тебе, но я знаю тебя! Это важнее.

– Спокойной ночи, Пристань. Разговор заходит в тупик.

Я дышала нашим общением и не мыслила жизни без него. И я упорно не хотела замечать его очевидно невзаимную реакцию на все мои пылкие письма.

Женищина на окраине Пустоши. Сектантка? Изгнанница? Не знаю. Но здесь никому неважно, кто ты, кем ты был, кто ты есть, кем ты будешь.

Людам важно выжить – и только. Каждый сам за себя.

А Женищина на Окраине Пустоши меня заинтересовала. Точнее не меня. Пересмешника.

...тише ты, тише...

Он упорно твердил мне, что она нам нужна. И заставлял меня при любой возможности навещать ее.

...делать все, что он попросит...

Вот и сейчас я нехотя зашел в эти каменные развалины, в которых она обитала.

Она сидела на камне, возможно, считая это треном.

Она была удивительно и вместе с этим жутковато красива.

Высокий тонкий стан, изящные руки, костлявые плечи, выступающие ключицы.

В этом была какая-то хрупкая прелесть.

Ее хотелось оберегать и хотелось сломать. ...и да, и нет...

У нее были длинные холодные пальцы.

И длинные... слишком белые волосы...

...у кого-то такие были...

Неестественно белая кожа, неестественно черные глаза... ..слишком белые волосы...

И Пересмешник вечно звал меня к ней. Я горько смеялся над ним, подумав было, что он влюбился в нее! Это было бы крайне дико, учитывая то, где мы с ним находились.

Но он был не так прост, чтобы влюбиться.

В его голове рождался план. И Женица на Окраине Пустоши каким-то образом была его частью.

— — Обрати. Внимание. Как. Она. Непоклебима и царственна. Даже. В таких обстоятельствах, говорил он мне. Я. Хочу. Чтобы. Ты. Взял. Себе. Эту. Манеру.

Мы стояли посреди серых развалин, утративших последний оттенок надежды.

Издалека доносились голоса Пустоши. Крики боли, стоны разврата, мольбы о помощи, песнопения, смех, ругань.

А она оставалась неизменно прекрасной, невозмутимой. Всегда идеально выглядела. Это восхищало Пересмешиника.

Но пришли мы не за тем, чтобы на нее глазеть и восхищаться.

...я слушал камни под собой...

Мы пришли за ее Идеей. Она здесь пожизненно, а вот мы... мы выйдем!

И Женица на Окраине Пустоши была не против поделиться своей Идеей с нами.

Конечно, она не стала раскрывать ее суть сразу. Она заставляла приходить нас к себе при каждом удобном случае.

И просила раз за разом проделывать бесполезную, на мой взгляд, вещь.

...делать все, что он попросит...

Она бросала на землю маленькие железные коробочки и просила меня складывать одну в другую. Самую маленькую я складывал в коробочку побольше, затем эту коробочку – в еще одну, и так до тех пор, пока коробочек не останется.

Потом она разбрасывала их вновь, в одном и том же порядке, и просила повторить, каждый раз происходило одно и то же.

— — Бесконечная игра! с ненавистью я бросал коробочки о глиняную землю, и они разлетались в разные стороны. ...тише ты, тише... ...оно жужжало оно...

— — Потерпи, успокаивал меня Пересмешиник. Он фанатично любил Игры. А это была именно Игра, правил которой мы оба не понимали!

Женица с Окраины Пустоши лишь смеялась своим монотонным стеклянным смехом.

— — Мой маленький Сизиф. Разгадаешь Загадку открою Идею, – ее глаза схватили меня и отпустили...

Это все, что она говорила! Никакой загадки не было в этих бесконечных коробочках!

Порой меня так уничтожало это бесконечное действие, что я не приходил к ней так долго, как только мог.

Но Пересмешиник умолял меня вернуться!

...делать все, что...

...что делать?

Он был уверен, что в загадке и прячется ее Идея!

...я слушал камни...

Поэтому мы снова возвращались и складывали одну коробочку в другую под мелодичное пение хаоса.

Глава 5. Преступление без наказания

День 18 ведения дневника

Был очередной выходной, я зашла в Новостной пункт, все было как всегда. Мы всем районом посмотрели новости и молча планировали разойтись... Но что-то пошло не так.

Нас не выпускали, точнее, нас попросили выходить по одному. Я стояла в середине очереди и не видела, что происходило в начале. Но по толпе побежал шепоток.

– Там патруль... Патруль на выходе!

– Проверяют всех!

Вдруг раздался истеричный женский визг, повергший в тяжелое молчание весь район.

Меня будто пригвоздили к полу, я не могла пошевелиться. Нас проверяют. Вычисляют эмоциональных преступников.

Женщина извивалась и плакала, просила людей о помощи, но никто не пошевелинулся, и двое в масках вытащили ее из Новостного пункта...

– Граждане! Ваш район попал под внеплановую проверку! Мы вычисляем преступников! Придется подождать.

Шепот снова пронесся по всей нашей очереди...

– Уведите.

– Не надо! Не надо, пожалуйста!

Я выглянула из-за толпы: грубо схватили какого-то мужчину и вывели...

– Государственно... – тихо выругался молодой человек позади меня. – Эй, эй... ты там... слышишь...

Я осторожно обернулась. Странно, никогда его не видела у нас в районе. За последние восемь месяцев мне примелькались все лица, но его было явно чужим.

– Главное, не визжи так. Соблюдай спокойствие.

Я молча отвернулась... А потом пронзительная мысль: «А вдруг это он?»

– Уведите!

Сердце снова сжалось... Что там с ними сделают потом... А со мной...

Некоторые счастливики, точнее не преступники, проходили мимо и шли домой.

Настала моя очередь. Я подошла к проверочной комиссии.

Сотрудник проверочной комиссии посмотрел на меня пристально, надел мне на руку какой-то браслет, а потом, сняв его, равнодушно бросил это страшное слово:

– Уведите!

Я осталась неподвижна, меня схватили двое в масках и вывели из Новостного пункта. Неподалеку стоял огромный темный флаэро.

На середине пути один из них понял, что я не сопротивляюсь, и вернулся в Новостной пункт, а тот, что довел меня до флаэро, грубо швырнул внутрь.

И вот я оказалась в нем: внутри неоновый свет, толпятся несчастные из нашего района.

– Всем привет... – я поздоровалась просто потому, что не знала, как разрядить эту убийственную тишину. – Наверное, тут уже можно говорить?

Люди молча посмотрели на меня, не произнося ни звука. Было очень неловко. Я пристроилась к стенке флаэро и стала также молча ждать.

– Опа! Вот и в сборе преступнички района. И я с вами!

Это был тот самый парень из очереди. «Вдруг это... Нет, не может быть».

Мы встретились взглядами, и я резко отвернулась. Но он сразу направился ко мне.

– Как тебя зовут?

– Неважно.

– Выглядишь так же.

Молчаливая девушка неподалеку от меня, не сдержавшись, приснула со смеху. Парень явно остался доволен своей шуткой и стал забирать на себя всеобщее внимание.

– Вы не переживайте! Видимо, вы все первый раз попались. Все нормально! Просто сделают процедуру погашения эмоций, походите «обмороками» недельку, и все как прежде. Будете сидеть в своем «Зеркале» и радоваться жизни.

К нам затолкнули еще двоих. Флаэро начал взлетать, и я прильнула к стене. Вся стена была одним большим, наглухо тонированным окном. Можно было видеть всю красоту полета. Кто-то зачарованно смотрел сквозь стены, а кто-то уселся на полу.

– Наслаждайтесь полетом, дамы и господа, минут 20 – и яркие воспоминания на весь год вам обеспечены, – шуточно произнес парень.

«Вдруг это он... Подойди, узнай имя... Узнай имя...»

Парень снова поймал на себе мой взгляд:

– Ну что ты все смотришь, Неважно?

– Как тебя зовут?

– Ого как! С чего бы это нам знакомиться теперь?

– Долго это все?

– А ты куда-то спешишь? Посмотрите-ка! Да тебя могут вообще больше никогда не выпустить!

– Как так? Ты же сказал: одна процедура – и все, – встряла в разговор одна из женщин.

– Да это так, чтобы не расслаблялась. Не знаю, всегда по-разному.

– И часто ты попадался?

– Опыт имею.

Я посмотрела на город сверху. Такой красивый. Мой город.

Вот ведь жизнь – интересная штука. Никогда не могла подумать, что хоть раз испытаю ощущение полета.

И как там мой бедный Кайт? Ждет меня сейчас в «Зеркале», а я не выхожу на связь... Должно быть, он очень-очень нервничает. Скорее бы уже вернуться домой.

Мне будет о чем ему рассказать.

– Я Пит, – голос парня внезапно оборвал все мои размышления, я даже не сразу поняла о чем речь. – Я Пит. Меня зовут так. А тебя?

– Пристань, – я разочарованно отвернулась от него: не Кайт. Логично было, что это не он. Так в жизни не бывает, но почему-то мне стало так обидно, что в горле запершило.

– Я это... просто атмосферу разряжал. Видела, сколько тут истеричек, вот хоть едут теперь спокойно. Я никогда не попадался раньше.

– Что?! – у меня аж дыхание сбилось: я уже мечтала, как скорее вернусь домой.

– Тихо ты, – процедил он сквозь зубы. – Терпеть не могу истерики и слезы. Пусть хоть наслаждаются моментом.

Я посмотрела на успокоившихся преступников, разглядывающих наш город сверху. Все были в своих мыслях.

– Я... я... в ужасе...

– Понимаю, – он серьезно посмотрел на меня, а затем в окно. – Стоит проявлять поменьше эмоций. Может, переживем.

Флаэро начал снижаться, а меня лихорадило изнутри... Я поняла, что, возможно, никогда не вернусь домой, и никогда не поговорю больше с ним, и никогда больше... ничего не сделаю.

Флаэро опустился на огромную парковочную площадку одной из крыш высотной тонированной башни, тут же к выходу подкатил воздушный коридор, и мы начали выгружаться в него.

– Идти вперед, – приказал механический голос воздушного коридора.

Мы двинулись робкой колонной вперед, пока не оказались в тупике.

– Ждать.

Чего ждать? Вот тут нас всех... накажут?

Вдруг двери тупика разъехались. Лифт.

– Зайти всем.

Мы послушно зашли в лифт.

Затошнило. Еще немного – и двери открылись.

На выходе нас уже ждали люди в масках с какими-то длинными тонкими палочками в руках.

– Пройдите, пожалуйста, в камеры.

В ряд выстроились стеклянные квадратные камеры – для каждого своя.

Мысли ослушаться ни у кого из нас не возникло, и каждый прошел в отдельную стеклянную комнатку.

– Итак, просьба сейчас зайти в свой аккаунт в «Зеркале».

Вот тут я и увидела ужас на лицах сокамерников. И все поняла.

Поймали одних преступников – нужно получить их переписки, доступ к аккаунтам, с которыми они имеют связь. И добраться до их со-преступников. Умно. Поймали 12 человек из района и, благодаря перепискам, поймают, как минимум, вдвое больше, ведь каждый из нас с кем-то общается. Возможно, некоторые и не с одним.

Женщина справа от меня впала в истерику (в очередной раз).

Слева от меня находился Пит, и он тоже явно был в ужасе.

– Граждане, мы должны видеть степень вашей эмоциональной болезни, чтобы предпринять соответствующие меры. Каждому из вас можно помочь.

Я, конечно, верила всему. И раньше я бы поверила, что меня хотят вылечить. Но общение с Кайтом и его постоянные предостережения дали о себе знать. Я понимала, что лучше умру, чем зайду в свой аккаунт отсюда и дам им доступ к Кайту.

А вот женщина, кажется, поверила. Подошла к одной из стеклянных стен, на которой проявился монитор.

Все наблюдали. А что наблюдать? Когда она по неведению совершает ошибку!

– Извините, женщина, – я тихо позвала ее, – не стоит этого делать.

Как только я произнесла эти слова, моя стекляшка начала вдруг наполняться едким яркосиним дымом. Я не понимала, откуда он идет, такой яркий, что потемнело в глазах. Почувствовав жуткий запах аммиака, я, задыхаясь, бросилась к стене.

– Пожалуйста! – единственное, что я смогла прохрипеть, падая и теряясь в пространстве.

Когда я открыла глаза, было темно как никогда. И горло горело огнем. Мне стало страшно.

Доползти бы до стены, чтобы приютиться возле нее. Так почему-то кажется безопасней.

– Эй, Пристань.

Шепот слева испугал меня еще больше, и я застыла.

– Очнулась? Это Пит.

– Ааа, ты... Да, вроде очнулась. Что тут было?

– Ползи поближе.

– Куда? Не вижу, – я нащупывала руками себе путь по полу и ползла в сторону шепота. – Я тут, – еле слышно произнесла я, уткнувшись в стену.

– Слушай... Ты тут поменьше болтай... Зачем ты к женщине той обратилась?

Меня еще больше напугал шепот Пита.

– Короче, тебя траванули газом, ты отключилась. Она зашла в «Зеркало» – и все, ее куда-то увели. Больше я ее не видел.

– А остальные?

– Половина говорит, что забыли пароль, половина торгуется. В общем, времени у всех, кто «забыл», до утра. И, если они пароли свои якобы «не вспомнят», из них будут вытаскивать их другими путями. Короче. В любом случае все закончится печально. А тех, кто начал торговаться, мол, отпустите – тогда скажем, их тоже куда-то увели.

– Как предусмотрительно: в «Зеркало» нет доступа по отпечаткам пальцев, все по старинке – пароли, чтобы у людей был шанс спасти тех, кто им дорог.

– Глупости, это всего лишь ради безопасности личности. Представь, если Государство все же взломает «Зеркало» и получит все отпечатки пальцев? А так... хоть будет шанс у некоторых спастись.

Я закрыла лицо руками и стала думать... Что тут еще думать? Значит, так моя жизнь развернулась. Я свой пароль «не вспомню точно».

– Горло горит, каждый глоток будто разжигает этот огонь сильнее.

– Это ты надыхалась химозным дымом. Скоро пройдет. Хотя... Какая уже разница.

Не знаю, сколько прошло времени, даже не понимаю, уснула я или нет, потому что везде была тьма. И внезапно включился яркий, ослепляющий свет. Так действительно можно свихнуться от неожиданности.

– Подъем, граждане. Тех, кто вспомнил свои пароли, просьба сразу же подойти к мониторам. Тех, кто не вспомнил, просьба подойти к дверям.

Мы разделились на две группы. Одни подошли к стене с монитором и понуро уставились в пол, ожидая, когда он загорится. Я, Пит и еще несколько человек подошли к дверям.

– Забывчивых утилизировать, – приказал механический голос.

Девушки, стоявшие у двери, тут же метнулись к стене с монитором.

– Там кто-то важный для тебя? – прошептал Пит.

– Как видишь... – я нехотя посмотрела на него. – Прощай.

– Прощай.

Я думала, что он сейчас развернется и пойдет к стене с монитором, но он остался стоять на месте.

– Отлично. Вбиваем свои пароли, граждане, – дежурная женщина в маске направилась прогулочным шагом вдоль наших стекляшек и уже приближалась ко мне. Тут в комнату поспешно зашел еще один человек в маске и что-то активно начал ей нашепывать. Если бы эта женщина не была надзирателем эмоциональных преступников, я была бы на 1000 процентов уверена, что она одна из нас, уж больно сильно округлились ее глаза от нескрываемого удивления.

И они оба поспешно вышли. Мы все стояли и не знали что делать. Я посмотрела на тех, кто стоял у мониторов, многие отводили взгляды.

– Пристань. Что-то пошло не по плану... – заметил очевидное Пит.

– Не могу сказать, что рада тому, что неизбежный момент оттягивается.

Женщина в сопровождении двоих в маске снова зашла в комнату. И быстро указала на меня.

– Уведите.

– Вот теперь... прощай, – произнес Пит.

Меня вывели из стеклянной комнаты. Было ли мне страшно? Очень... Но при этом я понимала, что никак не могу повлиять на ситуацию. Я бы ни за что не вбила свой пароль. У меня не было выбора. Точнее, выбор был. И я его сделала.

Что сейчас будет? Больно? Долго ли будет длиться боль? Я чувствовала в себе смесь страха и упрямства.

Меня вывели из очередного лифта. И мы оказались на парковочной площадке, где меня молча затолкнули во флаэро-беспилотник.

Он взлетал все выше и выше над городом, а я так и осталась на стеклянном полу совсем одна. Мелкую дрожь невозможно было унять. Подо мной проползали улицы со спешащими на работу крошками-людьми. Маленькие черно-серые точки. Куда так спешить? Я пронесилась над крышами домов, над верхним ярусом монорельса, обгоняя мчавшиеся шаттлы. Мой район. В сердце вспыхнула надежда. Флаэро мягко приземлился на крышу моей высотки, дверь открылась, и механический голос приказал мне выйти.

Еще долго я провожала взглядом миновавшую меня смерть, не в силах понять, почему меня отпустили. Отчего мне так повезло? И что такого сказали той женщине в маске?

Когда я открыла «Зеркало»...

...я ожидала увидеть кучу сообщений от Кайта... Но их не было.

На секунду меня обожгло обидой, но потом я отбросила все свои дурные мысли и напечатала дрожащими пальцами.

– Я тут, Кайт. Со мной все хорошо.

Закрывает лицо руками и начала медленно и вдумчиво дышать, стараясь унять непрекращающуюся внутреннюю бурю.

– Пристань. Рассказывай. Я крайне переживал.

Я несколько раз перечитала его сообщение. Почему-то мне показалось это неискренним. Какая-то странная формулировка. Все время, пока была там, я только и мечтала о том, чтобы поговорить с Кайтом, хотя бы разочек. А тут, когда увидела его сообщение и почувствовала разочарование, я вдруг стала такой тяжелой... «Крайне переживал» – звучит так, будто это напечатал флаэро-беспилотник.

Впервые за все наше с ним общение я молча вышла из «Зеркала», забила в угол кровати и уснула прямо среди бела дня.

На улице только начало светать, когда я вскочила с кровати, вся мокрая от пота. Я проспала целый день и всю ночь. Со мной никогда такого не было. Сердце колотилось как бешеное, до городского будильника еще час. Во рту затаился противный привкус от дыма, которым я надыхалась в стеклянной камере, горло уже не пекло, но боль в нем все еще чувствовалась при каждом сглатывании.

С усилием я подняла себя с кровати и направилась в душ, сидела под теплой водой и полоскала рот, пока она не выключилась.

В той комнате я поняла, что Кайт мне гораздо важнее собственной жизни. А он за все время моего отсутствия не написал ни строчки. И меня убило это.

В коридоре на моем этаже стояла кофемашина, я взяла себе сразу два стакана крепкого черного кофе и долго пила его маленькими глоточками, пытаюсь заглушить горечью этот тошнотворный привкус дыма.

Кайт... Неужели, если бы я умерла в этой камере, ты бы... Что бы ты сделал? Ничего. На следующий год, выпив свою профессиональную таблетку, ты бы даже не вспомнил обо мне. Я пристально рассматривала в окно бесконечные серые высотки домов.

Вспомнила, как сходила с ума, когда он пропал. Как мне было остро пусто.

И как же больно осознавать, что он не испытал ни грамма этих чувств, когда оказался на моем месте.

А потом в мою голову закрались вопросы... Почему он тогда пропал так надолго? Он сказал, что это было не по его воле. Может, его также держали в стеклянной камере? И он также не выдал меня?

Почему же меня отпустили? И только меня? Почему на меня так странно смотрела та женщина-надзиратель?

Я не выдержала и открыла «Зеркало».

Будто снова научилась дышать. Столько сообщений! Какой странный: когда не знал, где я, молчал. А когда я написала, что все хорошо, и просто вышла – вон как переживает!

Я поспешно напечатала сообщение:

– Милый Кайт. Прости, вчера был очень тяжелый день. У меня не хватило сил, чтобы рассказать. Но, когда вернусь вечером после работы, я все-все расскажу тебе! Прости, что я вышла из Сети без предупреждения. Больше так никогда не сделаю.

(Слово «милый» в обращении к нему я использовала впервые. Я не стала придумывать ему прозвища, как он мне).

Когда я появилась в Архиве, на меня тут же накинута женщина, принявшая меня на работу. Она была возмущена, но старалась сдерживать себя.

– Это невыносимо. Иметь такую работу и посметь ее прогулять. Штраф превысит половину твоей зарплаты за месяц.

Я уже несколько раз извинилась, но это не помогло. Поэтому я просто молчала, рассматривая пол.

– Где же ты была вчера? Или, может, мне стоит написать заявление об этом случае в службу найма? Твое резюме быстренько подпортят.

– Мисс Вексель, – мы обе ошеломленно посмотрели на подошедшего к нам господина Альба. – Девочку по ошибке забрали как преступницу. И ее отпустили вчера. Она переволновалась и поэтому не явилась на работу. Надзиратели отчасти виноваты в ее прогуле. Не будем же портить ей резюме, раз это не всецело ее вина.

Мисс Вексель поджала губы и смерила меня ехидным взглядом:

– Что же ты не сказала сразу?

От монолога господина Альба у меня внутри все перевернулось, и я что-то мямлила в ответ, пока архивариус не успокоил мисс Вексель и не указал мне следовать за ним.

– Господин Альба! Спасибо, спасибо! Как вы это смогли? – я горячо благодарила его, с горечью вспоминая, как резко с ним разговаривала накануне.

– Как ты попала туда? – обеспокоенно спросил он.

– Как вы смогли вытащить меня оттуда?

– Я ничего не делал для этого, – в его голосе я уловила что-то странное, но не смогла определить, соврал он или нет. Если сказал правду, то кто тогда меня выручил? Кайт, к сожалению, был вне подозрений, он даже не удосужился справиться о моем отсутствии, пока я сама ему не написала. И, если меня вытащил все-таки господин Альба, значит, Подземные имеют какой-то вес в Государстве.

– Меня поймали в Новостном пункте... И я действительно преступница.

– Это все из-за твоего друга из «Зеркала», – проворчал себе под нос господин Альба.

– Не знаю, что теперь делать, – в отчаянии призналась я. – Пройдет ли все это бесследно?

Вряд ли.

Господин Альба не стал ходить вокруг да около:

– Присоединяйся к Подземелью! Спускайся к нам.

– Вы что? Нет! Я хочу оставить все как есть, – выпалила я.

– Все как есть уже не получится, – он смотрел на меня, не скрывая сожаления. – Если им что-то помешало ликвидировать тебя официально, они сделают это иначе. А в Подземелье ты будешь в безопасности.

– Не пугайте меня.

– Я не пугаю. Я предупреждаю. Подумай об этом. И найди меня в «Зеркале», чтобы в случае чего послать мне весточку.

– Нет, не нужно.

– Мой ник МАФ092. Ты найдешь меня в комментариях под последними новостями.

Сегодня снова мой черед идти на ринг. Проигравший, если выживает, прислуживает победителю до следующей схватки!

Первый год я проигрывал каждую битву. Меня били нещадно, несмотря на мой возраст. В Пустоши я был единственным ребенком. И каждая новая схватка была для меня сродни пытке. Нет, я не боялся боли, я умирал от унижения прислуживать другим!

...и оно жужжало громко...

Я проигрывал Сектантам, избивавшим меня до полусмерти. И молился их Богу по принуждению.

Я проигрывал пьяным ублюдкам и мыл туалеты в их камерах, я терпел их насмешки, терпел их издевательства и вечные побои.

Я проигрывал даже шлюхам и был их личным секретарем, я записывал имена этих бесчисленных клиентов и следил за распорядком встреч, я видел их жизнь изнутри.

..тише...

Я проигрывал всем и каждому, и ни один из них не пощадил меня. Никто и никогда.

...никто и никогда, как он...

...тащил меня и тащил из меня...

Но я терпел, ведь у меня был срок!

В очередной раз я подошел к табло наказаний, чтобы проверить свой срок. Это было спасительное табло, и, когда я терял счет времени во всем этом кошмаре, я шел к табло, чтобы увидеть, что все это кончится через 4 года и 36 дней, 3 года и 135 дней, 3 года и... я не увидел срока!

...я жужжал, и глаза мои жужжали, и пальцы скребились, и холод был темным...

Я стоял напротив табло, не в силах оторвать от него глаз. Напротив моего имени красовалось: «Выход, которого нет»...

Это значит, что вы якобы можете выйти из Пустоши в любой момент. В любой момент, как найдете из нее выход!

Вот только выхода не было. Был только вход.

...жужжали глаза...

Я перестал слышать звуки Пустоши, звуки хаоса, я перестал слышать даже звук своего собственного сердца.

— Почему? Почему? Кто это сделал со мной? воззвал я к Пересмешнику, который казался мне моим последним спасением.

— Кто-то. Изменил. Настройки твоего наказания. Кто это. Мог сделать?

— Отец... сквозь зубы произнес я и так сильно сжал их, что они захрустели и застряли в десна.

— Только он мог. Это сделать... отозвался Пересмешник.

Тот день должен был уничтожить меня полностью. Но нет. Тогда я ощутил в своей груди незнакомое тепло. Это тепло усиливалось и росло, пока не начало гореть, жечь, сжигать заживо, потом внутри будто что-то взорвалось – и образовалась пустота.

...и оно не жужжало...

Я был таким же пустым и в то же время живым, как эта Пустошь. И мне нечего было терять. Если я пожизненно здесь, то от моего имени здесь все будут содрогаться. И никто не посмеет меня больше обидеть!

...делать все...

— Правда, Пересмешник?

— Правда, отозвался он.

Глава 6. Тот, кто нам мешает, тот нам поможет

- Я жду твоего рассказа о том, что вчера произошло, Пристань.
 - Я собралась с мыслями и рассказала Кайту обо всем, что со мной случилось.
 - Я так и знал, что тебя вычислят.
 - Что мне делать теперь? Самый главный вопрос: почему меня отпустили?
 - Могу предположить, что теперь за тобой будут наблюдать. Пристань, я уже не раз говорил тебе, что ты становишься слишком эмоциональной. Непозволительно.
 - С ума сойти, это все, что ты хочешь сказать?
 - Ты вызываешь во мне очень неприятные эмоции!
 - Ого! Какие же?
 - Я думал, ты умнее!
 - Кайт, я ничего не сказала про наше общение! Я бы не выдала тебя!
 - При чем тут это? Ты выдала себя!
 - Что мне теперь делать?
 - Ты должна пойти в Пункт помощи и добровольно просить вакцинацию!
 - Что? Ты с ума сошел? Я буду ходить на вакцинацию? И стану бесчувственной амебой? Какой была раньше?
 - Не первый раз проходишь вакцинацию?
 - Первый!
 - Что тогда?
 - До общения с тобой я была бесчувственной.
 - Думаю, Пристань, ты никогда не была бесчувственной, я лишь повод выплескивать чувства. Тем более ты не помнишь свои предыдущие годы: может, таких, как я, было много?
 - Как ты можешь так говорить?
 - Завтра ты пойдешь в Пункт помощи и осознаешь в том, что стала испытывать эмоции.
- Но, поскольку ты законопослушная, ты добровольно попросишь курс вакцинации.
- А если нет?
 - Я поражаюсь твоей глупости. Не вынуждай меня.
 - Не вынуждать что? Что ты сделаешь мне, если я не послушаюсь?
 - Я не стану продлевать твой безлимит на следующий месяц, если ты не умеешь контролировать себя.
 - Это омерзительно! Шантажировать меня своим же подарком?
 - Главное, действительно. Безлимитка наносит тебе вред. Не хочу быть спонсором передраг, в которые ты попадаешь.
 - Кайт... То, что ты делаешь, ужасно. Я не могу больше с тобой говорить. Хочу выйти.
 - Выходи. А завтра вечером расскажешь, как ты ходила в Пункт помощи, какую вакцину тебе прописали. Все детали.

День 19 ведения дневника

Я зашла в Новостной пункт, и если бы люди общались между собой, они бы точно перешептывались. На их лицах я заметила старательно спрятанное изумление.

Никого из тех, кого забрали в прошлый выходной, здесь не было. Одна я вернулась оттуда, откуда никто не возвращался.

В Новостном пункте всегда молчание, слышен только голос диктора, но в этот раз молчание особенное. Любопытное. Оно окутывало меня, всей кожей я ощущала, как меня тайком рассматривают. Теперь меня запомнят до следующего года.

Кое-как отбыв свой гражданский долг, я с тяжелым сердцем отправилась в Пункт помощи по приказу Кайта.

Он находился всего в трех кварталах от Новостного пункта, и я добрела до него за 20 минут.

Робот-регистратор задал мне рядовые вопросы: спросил имя, фамилию, возраст, место проживания и работы. И, конечно, последним вопросом было: «Что вас беспокоит?» Обычно посетители приходили за витаминной смесью или таблетками «от головы». Головная боль – бич нашего времени. Правда, у меня она не болела в этом году.

Когда я произнесла заученную фразу (все, как написал мне Кайт), робот затих. А через пару минут по коридору послышались торопливые шаги. Ко мне направлялась женщина в бледно-голубом халате, туго затянутый высокий пучок, казалось, натянул все ее лицо, от чего глаза выглядели слишком удивленными. Впрочем, должно быть, не из-за пучка, а просто потому, что до меня никто не просил о добровольной вакцинации.

– Пристань ВиЭллей, пройдите за мной, – сухо сказала она и торопливо повела меня все дальше от регистратора.

Мы зашли с ней в маленький, ярко освещенный кабинет. В нем было два стола, для нее и для мужчины, сторбившегося над монитором. Он поднял на меня уставшие глаза и попросил повторить причину моего прихода. Я повторила все в точности, как научил Кайт. Мужчина и женщина переглянулись, тот отодвинул от себя монитор и предложил мне сесть в кресло для посетителей, которое выехало из пола. Он расспрашивал меня о происшествии, и я все подробно рассказывала, утаив, конечно, степень своей преступности. Им достаточно было того, что я имела аккаунт в «Зеркале».

– Я пропишу вам пять сеансов ТТК (терапии токовой коррекции). Пяти сеансов более чем достаточно, – с этими словами он протянул мне белый браслет. – Пока не пройдете все пять сеансов, браслет будет служить вам защитой от патруля. Они не трогают тех, кто на коррекции. Это позволит вам продолжать вести свою обычную жизнь. А также мы всегда будем в курсе, как вы себя чувствуете и какое у вас эмоциональное состояние.

«Ловушка захлопнулась». Молниеносно в моей голове созрел план, как я выброшу браслет и побегу за помощью к господину Альба. Но не успела я даже пикнуть, как помощница медика защелкнула на моем запястье белый браслет.

– Процедуры начнутся завтра, после работы вам нужно будет подъехать по этому адресу.

Браслет визгливо запищал, и на нем отобразилось сообщение от медика с адресом Пункта терапии.

– Я буду на связи, – равнодушно сообщил он и снова опустил свои красные глаза в монитор.

Женщина проводила меня до выхода, механически пожелав мне удачи, и удалилась.

Когда я открыла «Зеркало», Кайт был уже в Сети. Он явно ждал моего прихода, и тут же замаячило сообщение от него.

– Детали.

Как можно было написать вот так? В чем я так провинилась перед ним, чем заслужила такое грубое отношение?

Тем не менее я описала мой сегодняшний поход, жалуясь на белый браслет.

– Это ловушка для меня.

– А чего ты ожидала? Что тебе подарят сладкую витаминную смесь и отправят домой? Все правильно сделали.

– Как ты можешь так говорить... – я была в отчаянии от его сообщений, но худшее было впереди.

– Браслет на тебе, а значит, тебе нужно сохранять спокойствие. Предлагаю на сегодня закончить наш диалог.

– Пожалуйста, не будь таким жестоким.

– Будь благоразумна и адекватна. Наверное, наши просьбы друг к другу взаимно невозможны.

– Кайт, что ты делаешь...

– Доброй ночи.

И он вышел из Сети... А я так и осталась с разбитым сердцем. В ту ночь я уснула неожиданно быстро. И снова проснулась раньше городского будильника. Поначалу я обрадовалась новому дню, но, взглянув на браслет, вспомнила, что кошмар, который мне снился, был моим вчерашним днем. Реальным.

Я отправилась на работу, где никак не могла сосредоточиться и была непродуктивна. Время тянулось невообразимо медленно, а господин Альба, как назло, был слишком молчалив. Конечно, он заметил белый браслет на моей руке и, безусловно, понимал, что это значит. Я видела ярость, вспыхнувшую в его глазах, но он решил вообще со мной не общаться. Наверняка не хотел провоцировать мои эмоции и портить мне статистику в браслете.

После работы меня ждала неизвестность, и, как бы я ни ползла, все-таки дошла до пункта назначения. Неизбежность.

К моему удивлению, перед дверями я встретила нескольких таких же безнадежных, в белых браслетах.

Видно, они были здесь не в первый раз, и я присмотрелась к молчаливым попутчикам, когда мы поднимались на лифте. У них были потухшие глаза, но не это отличало их от основной массы населения. Обычные люди были равнодушные и спокойные, а эти... От них исходила какая-то бездонная нервозность, пальцы их рук бесконтрольно тряслись.

Гнетущий страх окутал меня, но, когда двери лифта открылись, бежать было поздно.

– С вами новенькая? Все верно, – одобрительно кивнул головой сморщенный молодой человек. – Пристань ВиЭллей, следуйте за мной.

Мои попутчики также молча поплелись к разным дверям в этом просторном зловещем коридоре. А я пошла за провожающим меня человеком.

– Процедура длится 15 минут. Все автоматизировано. Инструкции будут даны внутри. После процедуры вам необходимо зарегистрировать свой браслет у монитора возле лифтов. Расшифровка результатов процедуры будет отправлена вашему медику, который сообщит вам дату следующего посещения, исходя из полученных данных.

Также механически он пожелал мне удачи и открыл дверь процедурной.

Внутри не было ничего, кроме продолговатого аппарата закрытого типа. У меня от ужаса пошли мурашки по коже: неужели мне нужно будет лечь внутрь?

– Спокойный день, – прожурчал женский голос аппарата. – Процедура номер один для гражданина Пристань ВиЭллей. Снимите вашу одежду.

Я стояла в нерешительности перед аппаратом. Но ничего не происходило: видимо, аппарат ждал, когда я выполню первое требование.

Неловко я сняла с себя платье, повесить его было некуда и пришлось просто бросить на пол рядом с ботинками и футляром.

– Ложитесь, – приказал фальшиво приветливый голос.

Аппарат тихо зашумел и открылся, предлагая мне лечь в него. Я заглянула внутрь: у изголовья выступали какие-то страшные присоски, сбоку, в районе рук, была кнопка, я сразу ее заметила, по всей окружности аппарата шла тоненькая щель, из которой торчали куски прозрачной пленки.

Внезапно вспомнила о том, как господин Альба предложил мне искать убежища в Подземье и как опрометчиво я отклонила его предложение. Как я жалела об этом сейчас. Но следующая мысль была о Кайте. Он не простил бы мне непослушания. И, чтобы все было как прежде, мне нужно пройти через этот кошмар. Я выдохнула и залезла в аппарат.

– Примите горизонтальное положение, – посоветовал голос.

И я послушно легла.

Как я и предполагала, аппарат закрылся, погрузив меня в темноту. Да, я ожидала этого, тем не менее страх замкнутого пространства овладел мной, сковывая все тело. Еще мгновение – и я бы закричала. Но аппарат вновь заговорил.

– Ничего не бойтесь, справа от вашей руки вы нащупаете кнопку отмены. Вы можете нажать ее в самом экстренном случае. Аппарат прекратит свою работу.

Удушливый газ начал исходить из ниоткуда. Присоски впились мне в голову, и я закричала. Но мой крик заглушал шум выходящего под напором газа. Воздуха стало слишком много, и от каждого нового вдоха появлялось перед глазами все больше черных точек. Они беспорядочно мелькали, я зажмурилась, но вместо того, чтобы исчезнуть, точки поменяли свой цвет на ярко-оранжевый и продолжили угрожающе мигать. А потом спокойствие окутало меня с ног до головы, в висках запульсировало, и я почувствовала, как медленно падаю в никуда.

Все вокруг превратилось в один огромный монитор. Оказавшись будто посреди ясного голубого неба в невесомости, я не почувствовала стенок аппарата, будто не лежу в нем, а парю в пространстве. Состояние полета – сердце бешено заколотилось, и я ощутила прилив невероятного счастья.

Счастье разливалось по всему телу, щекотало ладошки, ухало в животе, трепыхалось в груди, иногда мешало вздохнуть, а иногда давало слишком много воздуха.

А потом внезапно присоски ударили меня током. Я взвыла, и голубое небо исчезло, а я снова оказалась в темноте аппарата со страшной болью в голове, она стучала в ушах, раскалывалась в затылке, иголками пробегала по позвоночнику, парализуя все тело. В горло будто воткнули холодную спицу, и я не могла даже кричать.

Снова появилась проекция голубого неба, но ощущения парения уже не было. Я почувствовала страх. Я не хотела парить. Я только мечтала, чтобы все поскорее закончилось.

Голубое небо окружало меня, а я зажмурилась и ждала окончания процедуры.

Наконец, аппарат открылся. Я выскочила из него, но не смогла бежать и неуклюже распласталась по полу. Ноги так затекли, что эти первые шаги отдавались больно щекочущими мурашками, которые нещадно бегали от ступней к бедрам и обратно.

Я покорно подождала, когда ноги придут в себя, и, только оклемавшись окончательно, подползла к своему платью и оделась.

Следуя инструкциям, покинула страшную комнату и направилась к лифту. Приложила браслет к монитору возле выхода.

Как только я спустилась на первый этаж, а на это ушло меньше минуты, медик отправил мне на браслет сообщение:

«Следующая процедура назначена на завтра. Длительность 30 минут».

Я уставилась на роковое сообщение. Не ожидала, что мне придется вернуться сюда так скоро. Однако во мне не было никаких эмоций по этому поводу, будто я приняла хорошую дозу снотворного для души. При этом в теле чувствовались бодрость и желание работать.

Рабочий день уже был окончен, и, чтобы хоть как-то растратить энергию, я решила прогуляться до дома. Бездумно гуляющий человек, безусловно, привлек бы ненужное внимание патруля, но на мне был белый браслет, что уже говорило о том, что я на пути исцеления и неприкосновенна. Вот и плюс белого браслета.

Я поспешно миновала остановку монорельса и, пройдя еще около 100 метров, сбавила темп. Теперь моя походка стала похожа на прогулочную, а не вечно спешащую. Идти в таком темпе очень непривычно: такое ощущение, будто я даром трачу время.

Мы договаривались встретиться с Кайтом лишь поздним вечером, а значит, у меня было впереди около четырех часов пустоты.

«Как может такой густонаселенный город выглядеть настолько вымершим?»

Извилистые гладкие дороги, по которым не гуляют, а перебежками передвигаются люди.

Я миновала очередной серый зев переулка с мрачным забытым магазинчиком в глубине. Эти магазины, закрытые прозрачной пленкой, все еще оставались, осторожно выглядывая то из одного переулка, то из другого, будто уличенные в преступлении против Государства в ожидании ликвидации. Конечно, ведь в них собирались люди, магазины могли стать местом встреч. И почти все были упразднены. Теперь все покупки ведутся только онлайн. Через каждый километр стоят высокие электронные щитки-мониторы. Стоит только ввести свой гражданский код и выбрать товары, и уже через час они будут ждать тебя у входа в квартиру.

Справа от меня остановился шаттл, лениво выплюнув спешащую по домам толпу. Последний поток работающих людей. Через 20 минут город окончательно вымрет.

Возможно, мне стоило поторопиться, и, невольно подхватив ритм толпы, я понеслась вперед, сокращая расстояние до дома.

Уже на подходе к дому снова замедлила шаг. Смеркалось, и я остановилась возле квадратной клумбы, наполненной голубоватым гелем, с огромными листьями.

Эти листья блестящего металлического цвета снабжали нас запасами воды, кислорода и тепла.

Какое-то время я просто стояла рядом с клумбой, осматриваясь. Город затих, а ураган-мятежник в моей душе только начинался.

– Сегодня я гуляла по городу. В белом браслете это не опасно. Гулять – это нечто новое в моей жизни.

– Как прошла процедура? Опиши подробности.

– Кайт... Иногда мне кажется, что ты меня не слышишь...

– Правильно, я тебя читаю.

– Я не об этом... – но тем не менее послушно описала все максимально подробно.

– Какие ощущения сейчас?

– Все спокойно. А возможно, напряженно.

– Когда следующий сеанс?

– Завтра, после работы пойду туда.

– Какие эмоции по этому поводу?

– Я не хочу идти, присоски делают мне больно. И вообще этот аппарат пугает меня.

– Не бойся.

– Ты так говоришь, будто испытывал уже то, что я испытала сегодня. Тебе легко говорить.

– Как знаешь.

– Ты попадался когда-нибудь так, как я?

– Как ты – никогда. Но все равно, не бойся.

– Я не стану бояться, ты, главное, будь всегда на связи. Если я буду знать, что ты ждешь меня, мне будет легче проходить процедуры.

– Ищи силы в себе, а не в «Зеркале», Пристань.

– Почему нельзя было просто написать «хорошо»? Неужели я прошу так много??????? – резко нахлынувшие эмоции бросились в пальцы, и те сами собой набрали сообщение.

– Уооо. Ничего себе реакция.

– Прости меня. Прости!! Я не знаю... Я не проконтролировала себя. Это была чистая реакция.

– У человека после терапии не должно быть эмоциональных вспышек.

– Прости, пожалуйста.

– Не извиняйся. Ты тут ни при чем. Расскажи медику о том, что после процедуры у тебя появились вспышки агрессии. Он, видимо, ошибся с аппаратом или с продолжительностью сеанса.

– Я все сделаю, как скажешь...

– Хорошо. Я рядом, не переживай.

Эти Сектанты мешали мне пройти! Они так и стояли на коленях, натирая свой лоб камнем, они заполнили собой всю дорогу!

– Я не хотел больше пробираться через них, касаться их тел! В конце концов, они мешали пройти всем! И если во всем этом болоте всех все устраивало, то меня нет.

И тогда я попросил Пересмешиника отодвинуть Сектантов.

Я должен был его остановить. Но я этого не сделал. Я ждал... ..земля стояла твердо, и я смотрел...

А Пересмешиник подходил к каждому Сектанту, хватал его руку-плеть с зажатым в ней камнем и расшибал ему голову. Один за одним. Он колот их, как орехи. И никто не сопротивлялся.

Сектанты ждали своей участи, не двигаясь.

– Бордели затихли, изгои, уроды, пленники, приговоренные, рабы затихли все и молча наблюдали за Пересмешиником.

И я видел восхищение в их взглядах. И я видел их страх.

...делайте все, что я попрошу...

Так я вспомнил ту фразу, которую стал забывать...

Когда Пересмешиник закончил, он заявил, что я могу пройти свободно. И что так должно быть всегда. Дорога передо мной всегда должна быть свободна.

Мы молча шли к нашей камере, а позади звонил колокол. Последний удар затих не сразу, он еще долго вибрировал в воздухе, пытаясь коснуться меня. Но не коснулся. По ком звонил тот колокол?

Теперь Пересмешиника опасались все. Они шептали за его спиной, что он ненормальный. Что он ребенок Пустоши, а значит, худший из всех. Ведь его воспитывает Пустошь.

Никто и никогда после не выиграл у меня на ринге. Они просто не выходили драться со мной. Я не был самым сильным, нет. Но, возможно, они боялись потом не дожить до утра, если обидят меня.

Поэтому я стал вечным зрителем, ходил играть к Женицине с Окраины Пустоши, и все же... искал выход.

Я искал выход не потому, что мне было плохо в Пустоши. Я принял ее...

...я любил тишину... скажи мне: «Тише, ты тише...»

Я искал выход, потому что хотел стать первым, кто его найдет.

Сделать свой авторитет непоколебимым.

И была еще одна причина: я жаждал доказать Отцу, что даже после того, как он обрек меня на бесконечное наказание, я выбрался. Тысячи раз я представлял себе его взгляд, когда он увидит меня перед собой. И частенько смеялся до слез, представляя картины нашей встречи. ...чесал зубами свои руки...

Я шел тогда к Рингу поглазеть на новый бой, как вдруг начал ощущать, что вместо ровной дороги иду в горку, сильнее и сильнее. В одно мгновение я осознал, что вся наша равнина вдруг накренилась, и Пустошь превращалась в горку. С визгами, криками люди покатались с горки, я споткнулся и кубарем вращался вместе со всей толпой. Неподвижными остались камеры, здания, церкви. И резко, также в одно мгновение, горка опустила, и все приняло прежний вид.

Когда я пришел в себя, мы с Пересмешиником побежали к Женицине на Окраине Пустоши.

Я ворвался в развалины, в которых она обитала. Но ни один камушек не сдвинулся с места.

Она восседала на камне, уже успела прийти в себя и ничем не выдавала своей смятенности.

– Я... испугался... за Вас, сбивчиво объяснился я в ответ на вопросительный взгляд ее бездонных глаз.

...слишком... она вся слишком...

Она молча указала на коробочки, которые, как обычно, лежали в той же самой последовательности.

Я надеялся найти хоть какое-то отличие в их расположении, ведь должна же была хоть одна сдвинуться в момент необъяснимого возникновения горки... но тщетно... один и тот же узор... и я нехотя сел снова их собирать.

Надо было приходиться...

...не надо...

Вся Пустошь в тот вечер обсуждала случившееся, а я собирал коробочки у ног Женщины с Окраины Пустоши.

Глава 7. Ты сам все отдавший и все принявший

День 20 ведения дневника

По совету Кайта я сообщила медику о своей вспышке, утаив, безусловно, чем она была вызвана и при каких обстоятельствах, и мне поменяли расписание процедур. К моему ужасу, он удвоил их количество.

Я посещала аппарат уже четыре раза, переживая эту пронзительную боль в голове от присосок, бьющих током. Во мне вызывали эмоции, погружая меня в различные ситуации, сканируя, как мой мозг реагирует на них, а потом применяли ток, чтобы дать понять мозгу, что эти эмоции нежелательны.

В этих ситуациях я общалась с людьми вживую, меня обнимала женщина, по всей видимости, игравшая роль моей матери, в этих «живых» картинках было много ярких цветов, много света. Было море, огромное, синее, бескрайнее, и я пыталась сбежать по морю, подальше от этого кошмара.

А потом брела домой и общалась с Кайтом, он успокаивал меня, а я страдала от боли в голове и пустоты в сердце.

- Такое ощущение, что из меня высасывают жизнь.
- Не стоит так утрировать.
- Ты не знаешь! Ты никогда не ложился в аппарат!
- Опять вспышка?
- Нет... Просто факт.

Было ощущение, что мне выжигают душу. Господин Альба упорно не хотел со мной общаться. Он избегал меня, как прокаженную.

Во мне гасили эмоции, а вечерами после процедур происходило нечто странное: я все чувствовала еще острее. Вкус кофе, запах города, я яростно обижалась на Кайта за его отстраненность, мучилась от невыносимого молчания в Архиве. Но все это я боялась показывать и говорить. Даже Кайту. Я бы не вынесла очередного похода к медику и продления процедур. Поэтому стойко все терпела. По ночам я забивалась в угол, скручивала подушку, пока побелевшие пальцы не затекали от боли, прижималась к этому самодельному жгуту лбом и оборачивала вокруг головы, чтобы склеить ее. Мне казалось, так я смогу унять бешенство и огонь, хлеставшие из меня. Скорее бы кончился этот ад.

Так я думала до того утра, пока не зашла в «Зеркало» и не обнаружила огромное письмо от Кайта.

Как только увидела то количество букв, которое он потратил на меня, я сразу почувствовала катастрофу, даже не прочитав содержание сообщения.

«Привет, Мотылек. Вынужден отлучиться из «Зеркала» на неопределенный срок.

Хочу думать, что ты стойко выдержишь все оставшиеся процедуры.

И найдешь на это силы в себе.

Поверь, они в тебе есть.

Я хочу поделиться с тобой одним трюком, который тебе должен помочь при следующих проверках.

Он называется «Вне Игры».

Возьми кофе, почувствуй его аромат, почувствуй, какой он горячий и горький, и сделай большой глоток, который будет обжигать.

А потом посмотри на себя со стороны.

Будто ты не внутри тела, а вне его.

Будто ты, та, что пьет кофе, – это всего лишь твой персонаж в игре.

Заставь персонажа сделать глоток и постарайся не ощутить ни вкуса, ни запаха.

Концентрируйся только на наблюдении за собой. Со стороны.

Поначалу будет непонятна разница.

Но если тренироваться каждый день, однажды ты ощутишь, что такое «вне игры» в действительности.

Ты не почувствуешь эмоций, боли, запаха, вкуса.

Ты станешь абсолютным гражданином Среднего Сектора.

Но только лишь на тот промежуток времени, который нужен тебе. Ни одна проверка не сможет вывести тебя из себя.

Ты в любой момент можешь вернуться сознанием в себя и продолжить жить.

Эмоция – лишь импульс в сознании. И ты можешь им управлять.

Дочитав мое письмо, не впадай в истерику. Попробуй быть «Вне Игры».

И подумай о своем будущем. Самое безопасное после прохождения процедур – подать заявку на поступление на госслужбу.

P.S. Я вернусь сразу, как смогу. Мне приятно наше общение».

День 21 ведения дневника

Первые дни без Кайта я не могла ничего записать. Конечно, я впала в жуткую истерику, и мне было не до трюков.

Как умалишенная, я писала ему истеричные сообщения, отправляя их в пустоту. Но он не появлялся.

Я исправно ходила на работу и на процедуры. Всегда ходила до дома пешком, чтобы не приходиться в бездушную пустую квартиру. А потом погружалась в чтение новостей, чтобы забыться. Спустя пять дней после того, как он пропал, в «Зеркале» появилась статья о том, что многие Подземные заняты подготовкой к какому-то очень важному событию. По датам все совпало, и теперь у меня были объективные причины думать, что он из Подземных. Однако зачем было советовать мне работать в Государстве?

В голове – полный хаос, но я покрывала его тоннами ненужной информации, которую поглощала ночами до тех пор, пока не проваливалась в сон.

День 22 ведения дневника

Осталась пара процедур. Физическое состояние оставляет желать лучшего. Страшная слабость. Днем – апатия, ночью – эмоции клокочут, разрывая изнутри.

День 23 ведения дневника

Страшные круги под глазами усиливаются, начали выпадать волосы. Аппетита нет. Пью много кофе. Не могу спать.

День 24 ведения дневника

Ничего не могу делать. Ни читать, ни писать, ни есть, ни спать. Не могу так жить.

День 25 ведения дневника

Прошла процедура. В аппарате лежала час. А потом пришел помощник и помог мне выйти из комнаты. Сама не смогла.

День 26 ведения дневника

Попробовала трюк «Вне Игры», не могу сосредоточиться. Господин Альба спросил мой ник, я сказала. Терять нечего. Очень плохо. Залезла головой в холодильник. Холод спасает.

Ночами визжу в подушку.

День 27 ведения дневника

Завтра должна явиться к медику. После финальной процедуры охватил неожиданный прилив сил. Захотелось есть, и мне, по просьбе медика, выдали несколько пакетов бобового пюре.

В «Зеркале» написал господин Альба, справлялся о моем самочувствии. Я ответила, что все хорошо.

Приснился сон, что я встретила Кайта в жизни. И, к моему ужасу, он оказался одним из туш.

День 28 ведения дневника

На финальном собеседовании у медика все прошло благополучно, процедур не добавили, однако браслет придется носить месяц, чтобы он понаблюдал мое состояние.

В то время жизнь казалась мне похожей на алфавит без согласных. Одно плавно перетекает в другое. Протяжно поет, воет, стонет, удивляется, возмущается, указывает. Оно может передать эмоцию.

Но никак не может стать чем-то завершенным и точным.

Эти страдающие от свободы и одиночества гласные навечно обречены прозябать в звуках, не обретающих смысл.

День 29 ведения дневника

Всего один человек, чтобы дышать. Нужен всего лишь один. Неважно, какой он в реальности.

День 30 ведения дневника

...

Завтра выходной. Зашла в «Зеркало».

И он... снова появился в моей жизни.

– Я не мог зайти раньше. Обстоятельства.

– Надеюсь, все наладилось.

– Да.

Молчу и не хочу ничего писать. Сердце колотится как бешеное, подбираясь к горлу, но я держу себя в руках. Эмоции не должны одержать победу. Как же долго его не было!!! Он оставил меня одну в самом разгаре процедур. И сейчас во мне моментально вскипела обида вперемишку с отчаянным счастьем. Как же мне хорошо видеть его в Сети. Как же хорошо видеть это «АК1874 набирает сообщение...»

– Как ты? Расскажи, как прошли процедуры, как твое состояние? Заключение медика?

– Все хорошо, Кайт. Медик не назначил мне ничего нового, – не знаю, почему я тогда умолчала о браслете. В тот момент мне показалась неважной эта глупая деталь. Гораздо важнее было вытащить из него эмоции, слова, о которых я мечтала.

– Раз уж такая ситуация, задавай пару вопросов. Знаю, это тебя порадует.

Я выдохнула с облегчением.

– Что значит «Мотылек»?

– Можно было спросить в Сети.

– Но ты так меня называл, я не так выгляжу.

– Пристань, не важно, как ты выглядишь. Ты мотылек по своей натуре. Непредсказуемая траектория движения и неразумное влечение к опасности.

– Вот как...

– Еще будут вопросы?

– Да! Еще... Ты знаешь, больше нет вопросов...

– Отлично! А я уже напрягся!

– На самом деле вопросов очень много, я просто не могу позволить себе их задать. Сама себе не могу позволить. Если задам такой вопрос, то сразу попаду в высший ранг преступников.

– Тогда не задавай.

– Я боюсь даже произносить это.

– Не произноси.

– Мы можем увидеться? Как-нибудь... Хотя бы на мгновение...

– Ты катишься просто кубарем в пропасть с такими мыслями! К чему были все эти процедуры?

– Пожалуйста, перестань все это печатать.

– Мы никогда не будем общаться в жизни. Здесь нет такого понятия, как дружба. Более того, поверь мне, в жизни я тебя сильно разочарую. Я не тот, каким ты меня выдумала. «Зеркало» – это наш максимум. Так есть и так будет.

Я прочитала его сообщение. Мне стало так больно на душе, что случилось непоправимое. Почувствовала, как глаза наполняются водой. Всё. Я самая опасная эмоциональная преступница.

И я, ничего не отвечая и не прощаясь, вышла из Сети.

Я утирала эту воду, нескончаемо льющуюся по щекам, гасила эти икающие всхлипы в груди, но бесполезно. Я так стойко выдержала всю боль процедур, все их последствия, его отсутствие. Но выдержать то, что он, явившись, сразу же отобрал у меня надежду, я не смогла.

Не знаю, сколько я пролежала, уткнувшись в подушку. Была глубокая ночь. Все внутри горело холодным огнем. Воющий пожар. Я открыла «Зеркало». К моему удивлению, он был в Сети. Тем лучше.

– Кайт. Я очень страдаю. Больше не могу. Ты был прав. Я слишком дала волю эмоциям, и они победили меня. Все, о чем я могу думать, – это ты. Все, чего я жду в жизни, – это общения с тобой. Я понимаю, что мне никогда не увидеть тебя, никогда не быть рядом, не иметь возможности элементарно... угостить тебя кофе. Я чувствую боль внутри, которую не могу унять. Хочу покончить с этим. Хочу, чтобы все было, как прежде. Как было до тебя. Эти мучительные бесполезные мечты о тебе. Прости меня...

– Тормози.

– Поздно мне уже все это говорить! Я больше не я, а одна сплошная эмоция! И эта эмоция большая! Сжигающая меня. Я хочу сделать это...

– Сделать что?

– Нажать на кнопку. Хочу забыть тебя! Пусть я не забуду тебя в действительности. Но я больше не могу позволить себе сходить с ума и дальше. Если бы ты хоть на маленькую долю чувствовал то, что чувствую я. Я бы смогла еще держаться... Мы бы вместе могли придумать, как нам сохранить память и наше общение...

О, как я ждала, что он скажет: «Я чувствую!» Все эти глупые угрозы про кнопку... Конечно, я не собиралась ее нажимать!

– Пристань, успокойся. Я не хочу прекращать наше общение.

– Почему? Ответь! – безрассудно требовала я.

– Мне нравится общаться с тобой.

Его «мне нравится» было просто плевок в душу. Он не чувствовал того, что чувствовала я. Я была одна со всем этим эмоциональным кошмаром.

– Кайт. Я бы все отдала, чтобы увидеть тебя.

– Пристань, ты витаешь в облаках. Очнись. Реальность – она другая.

– Ты из Подземных? Скажи, прошу!

– Не вздумай туда ходить. Я не из них.

– Врешь!! Я знаю, что ты из Подземных! Ты столько всего про них знаешь, глупо думать, что ты там никогда не был!

– Я все сказал. Сменим тему.

– Как ты можешь менять тему, когда я просто погибаю перед монитором?

– Ты не погибаешь. Ты просто все утрируешь.

– Знаешь, я думала, ты мне родной. А ты чужой!!! Такой же, как и любой другой аккаунт!

Мое единственное желание сейчас – это нажать на кнопку!

– Да хватит уже грозиться этой своей кнопкой! Хотела бы – нажала.

Эта фраза обожгла меня! Все процедуры были напрасны. Более того, они сыграли со мной злую шутку: вызывали во мне эмоции и жестко гасили их. Но последствия были необратимы. Троекратно усилившиеся эмоции бумерангом врезались в меня, отнимая у разума всю власть.

Лишь через пару минут я пришла в себя, отдышалась...

И поняла, что натворила...

Потеряла его.

В порыве своего отчаяния от безответной любви я, не помня себя... нажала на кнопку.

Отныне «Зеркало» никогда не позволит нашим аккаунтам найтись в пространстве.

Я сидела перед монитором, светало. Из эмоциональной комы меня выдернул нервный визг браслета, и на нем отобразилось сообщение от медика:

«Срочно явиться в Пункт помощи!»

Эмоциональная активность этой ночью явно не прошла незамеченной. Браслет запомнил весь спектр эмоций.

Я понимала, что мне в самом лучшем случае назначат повторный курс процедур, в худшем... А в худшем – ликвидация... За мной могут прийти в любой момент.

Но мысль, толкнувшая меня к «Зеркалу», была другой: «Я смогу найти Его в Подземелье!»

Дрожащими пальцами я набрала сообщение господину Альба:

– Пожалуйста, помогите мне... Мне нужно спрятаться в Подземелье... И на это у меня час...

Часть II. Подземелье

*Что такое я? Я – это ты.
Когда ты смотришь из сердца,
борьбы между добром и злом не существует.*

*В Пустоши я часто вспоминал Отца... Мне нужно было топливо, чтобы выжить.
И топливом мне служила ярость.*

Я никогда не мог поговорить с Отцом. Ни я, ни Пересмешиник. И в этом мы с ним были похожи.

Всякий раз, когда я подходил к Отцу, он спрашивал меня, пришел ли я по делу, есть ли у меня какой-то действительно важный вопрос?

Я был слишком глуп и отвечал, что просто хочу побыть с ним. Но он с негодованием смотрел на меня и говорил, что «просто» не надо, надо по делу.

Я пробовал много раз, пока был глупым. Однажды я попросил Пересмешиника подойти к Отцу и пообщаться с ним. Думал, что, может, Пересмешиника Отец и правда любит и не оттолкнет его. Но я ошибся.

...и пол подо мной не хотел стоять, и стены били меня по очереди...

Тогда мы с Пересмешиником поняли: для Отца нет ничего важнее его дел и его плана. И пока мы были частью его плана, мы были ему нужны.

Плохо помню все то, что сделал со мной Отец, руководствуясь тайным планом. Я попросил Пересмешиника запомнить каждую деталь, каждое его действие, каждый жест, но сам предпочел обо всем забыть.

...вспомнить завтра...

Схоронить в своем Подсознании то, что он сделал со мной.

...вспомнить завтра...

Отец всегда говорил, что хочет сделать меня сильнее. Вот только путь, каким он вел нас, был так страшен... что я его забыл...

Однажды ночью я позорно плакал в подушку. У меня жутко болела голова, ломило все тело, будто из меня вырвали половину жизни. Я не помнил, как оказался в кровати.

Мама принесла мне воды, видимо, я кричал об этом. Я видел ее перекошенное от боли лицо.

Я наклонил лицо туда, где была вода в стакане, но она показалась мне черной... Она агрессивно пыталась ухватить меня за глаза... Колючая. А потом она укатилась от моего резкого движения.

Мне казалось, что меня очень много и в то же время что меня нет и наполовину.

Я слышал сотни голосов, сотни своих собственных голосов, и мне было страшно...

Я хотел, чтобы Отец пришел в мою комнату в ту, самую страшную, ночь и объяснил мне, что произошло. Или просто поговорил.

Или просто... зашел.

Но я ждал напрасно. Это была последняя ночь, когда я так ждал человека...

Он не пришел, и я плакал так горько, что даже Пересмешиник не смел надо мной смеяться.

Он тихо сидел на полу рядом с моей кроватью и, стиснув зубы, молчал.

Глава 8. Вне Игры

День 31 ведения дневника

Я так давно ничего не записывала. Все потому, что из Пустоты не рождается Слово. Слово рождается из Энергии. И неважно, чем будет вызвана эта Энергия, какой она будет на вкус. Она может быть холодной, ментоловой, пронзающей все тело и порождающей Действие, или же теплой и нежной, погружающей в Мысли. Из Энергии рождается Слово. А внутри меня было так пусто, что безвольно бродящие вдохи и выдохи отчужденно стучались друг о друга.

Я была где-то посередине между сидеть и лежать, облокотившись на спинку мягко освещенной скамейки, на самом краю Главной аллеи. БиOLUMИнесцентные пышные деревья освещали ее, смешиваясь с мраком Подземелья. С любовью посаженные в гелиевые клумбы, они строго перемежались друг с другом, голубые, сиреневые и нежно-бирюзовые.

В Подземелье я уже пробыла целый месяц. И ворох событий, случившихся за этот период, был непредсказуем. Я открыла для себя новый прекрасный мир. Раньше я думала, что Подземелье – это пустынное мрачное место. Да, мрачное, но нет, не пустынное. А еще магически красивое. Сбежав из Среднего Сектора, я стала много общаться с господином Альба, встретила живого и невредимого Пита: оказалось, его тоже кто-то спас из той стеклянной камеры. Я познакомилась со множеством новых людей и получила то, чего хотела, – живое общение. Но самое главное... вопреки истине, которую узнала, я искала его в каждом. И везде встречала его отсутствующее лицо, которое никогда не видела... и уже не увижу. И Пустота была моей спутницей.

Но... обо всем по порядку.

После моего сообщения с просьбой о помощи господин Альба без каких-либо вопросов скинул мне адрес, куда я должна была явиться как можно скорее. Это был закрытый магазин, расположенный в двух кварталах от Пункта помощи. Я обогнула его с внутренней стороны, поспешно подбегая к уже ожидавшим меня господину Альба и неизвестному молодому человеку.

– Повезло, что помощь тебе потребовалась в выходной, – господин Альба кивнул незнакомцу, и тот легким движением руки разрезал пленку, опоясывавшую магазин. Тем временем господин Альба достал маленький аппарат, который необъяснимым образом подобрал код к браслету и освободил меня от ненавистной оковы.

– Все это зафиксировано, – я в панике посмотрела на равнодушные уличные глазцы, подматривающие за гражданами.

– Не переживай, Верриан ослепил их на пару минут. Не время задавать вопросы, – и господин Альба подтолкнул меня ко входу в магазин. Сам он зашел следом за мной, а Верриан остался снаружи, забрал мой браслет, запер за нами дверь, и я услышала, как он заново опоясывает магазин защитной пленкой. С каким спокойствием и точностью они оба действовали, будто не в первый раз экстренно спускали непутевых преступников в Подземелье.

Господин Альба большими шагами направился к лифту.

– Здесь вход в Подземелье?

– И не только. Это ближайший путь к Пункту помощи. Чтобы ты шла якобы по делу и лишь в последний момент свернула с заданного маршрута. До того, как медик поймет, что что-то пошло не так, считанные минуты. Он вызовет патруль.

Двери лифта бесшумно открылись от касания ладони господина Альба. Мы зашли в темный темный лифт.

– Получается, нужно только знать место входа, и любой может оказаться в Подземелье?

– Любой, но только в сопровождении одного из нас. Будь здесь в одиночку кто-то не из Подземных, двери бы тоже открылись, но это был бы простой лифт, ведущий на нижний этаж магазина. Спасибо Хаку Аттеосу.

– Теперь меня будут искать.

– Теперь да. Сбегая в Подземелье таким срочным образом, ты закрываешь себе возможность вернуться в Средний Сектор.

– Хак Аттеос – создатель «Зеркала»?

– Да, главный хакер Подземелья.

Дальше мы спускались молча. И только когда двери лифта настороженно раскрылись, господин Альба коротко рассказал мне о пункте досмотра.

Пункт досмотра должен был пройти всякий входящий и выходящий из Подземелья вне зависимости от степени своей причастности к нему и положения.

Людей на пункте не было, лишь оборудованный детекторами коридорчик.

Я зашла в него и, подчинившись команде недружелюбного женского голоса, подняла руки вверх. Далее мне задавали вопросы, сначала простые: имя, возраст, должность в Среднем Секторе, уровень дохода, правша я или левша. А потом самые главные: какова причина моего спуска в Подземелье и надолго ли я спускаюсь.

Господин Альба сказал, что отвечать нужно максимально честно и развернуто. И сказать, что я явилась сюда жить.

Далее я прислонила палец к отверстию в стене, у меня взяли кровь.

Аппарат выдал мне синюю пластинку, которую, согласно инструкции, я обернула вокруг большого пальца правой руки. В окошке появился дыхательный баллончик, как только я взяла его в руку, на его корпусе высветилась фраза: «Возможно новое начало». Поспешно выйдя из коридора, я стала ждать господина Альба.

Он вышел очень скоро, на его большом пальце появилась белая пластинка.

– Долго ходить с ним? – спросила я архивариуса.

– С пластырем или баллончиком? – он не дождался моего ответа. – Тебе и с тем, и с другим – всегда. Когда почувствуешь, что воздуха недостаточно, вдохни через баллончик. А на этой синей пластинке зафиксирована вся информация о тебе. Цвет пластинки означает твой статус в Подземелье. Синие – для тех, кто живет здесь, не имея возможности выхода в Средний Сектор, белые – для тех, кто спускается по выходным. Также на этой пластинке будет твой персональный финансовый счет. Жители с синими пластинками должны найти себе работу в Подземелье. Жители с белыми имеют работу в Среднем Секторе и служат Подземелью извне. Ты все поймешь чуть погодя.

Мы подошли к широкой квадратной двери и приложили наши пальцы к сканеру. Двери раскрылись – и передо мной предстало Подземелье.

Глаза заслезились от непривычных цветов. Я выросла среди серости, а тут увидела голубое, зеленое, оранжевое и очень много сиреневого. Подземелье прямо пылало сиреневым цветом, а над нами – густая чернота.

Первое, чему я удивилась, – масштабы. Длинные коридоры-тоннели. Пешком можно было идти целую вечность, поэтому на некоторых участках вместо пола были установлены траволаторы. Первый в моей жизни траволатор привез нас с господином Альба в Регистрационную, где на синюю пластинку мне закодировали доступы в мою комнатку, в Обеденную и Овальный Зал, выдали персональный монитор для выхода в «Зеркало» с безлимитным доступом, который имели все жители Подземелья.

Господин Альба заботливо попросил в Регистрационной перевести с его счета часть средств на мой. Я спорила с ним и отказывалась, но мы сошлись на том, что, как только заработаю, я ему все верну.

Он провел мне экскурсию по самым основным местам: мы посетили мою комнатку, она была совсем крошечной, в десять квадратных метров, в ней помещались лишь кровать и столик, встроенный в стену. Туалеты и душевые были общие на этажах. Он показал мне, в какой стороне находится Овальный Зал и как добраться до Обеденной. А потом мы вышли на главную аллею с чудо-деревьями, и он сказал, что ему нужно идти по делам.

Но прежде чем попрощаться, я задала ему мучивший меня вопрос, ответ на который и поверг меня в Пустоту.

– Господин Альба... Помните, я вам сказала ник моего друга из «Зеркала». Вы что-то узнали, но я по глупости не дала вам договорить.

Я видела, как смотритель Архива смутился от этого вопроса: по всей видимости, он его не ждал. По крайней мере, сейчас.

– Узнал. Твой друг не из Подземных. Мне жаль, если ты надеялась найти его здесь. Его аккаунт был зарегистрирован в Среднем Секторе. Но информации об аккаунте нет никакой.

Кажется, он попрощался со мной, сочувственно заглянув мне в глаза, а потом удалился.

Кажется, я шла по аллее с дивными деревьями, но не видела их больше.

Кажется, я устроилась на работу и, кажется, я ела в Обеденной.

Но абсолютно точно Пустота разверзлась внутри, и, чтобы не сгинуть в ней окончательно, я совершила трюк. И стала Вне Игры.

День 32 ведения дневника

Вчера было записано так много слов, что я сильно устала.

Сегодня расскажу о моем месте работы в Подземелье. Я работаю помощницей помощника Вождя.

Нет, это далеко не моя заслуга. Это все старания господина Альба. Он хотел пристроить меня на ту работу, которая не будет меня обременять, на которой у меня будет много свободного времени для чтения книг, привезенных им из Архива.

Этой должности не было ранее, она и не требовалась, ведь у Вождя был помощник, который справлялся со всем. Его правая рука. Им не нужны были лишние люди. Но господин Альба имел вес в Подземном городе и явно был здесь кем-то более значимым, чем в Среднем Секторе в роли смотрителя Архива. Поэтому ради меня ввели эту должность.

Я чувствовала себя виноватой в том, что доставляю людям массу неудобств своим внезапным появлением. Однако, впервые войдя в рабочий кабинет Вождя, я оторопела от неожиданности.

В комнате были двое: рыжеволосый человек и Пит!

– Пит! – удивленно воскликнула я. – Ты жив?!

Рыжеволосый яростно расстрелял меня взглядом.

А Пит сконфузился и неловко предложил мне сесть за стол в ожидании инструктажа, пока они с Вождем договорят. Моя радость от встречи со знакомым человеком оказалась взаимной, и я понуро села за стол.

Они быстро закончили свой диалог, и Вождь удалился.

– Пристань! – Пита будто подменили, и он снова стал общительным. – Ты как здесь? А ну, рассказывай! Я думал тебя ликвидировали, – с обезоруживающей улыбкой сказал он, усаживаясь на стол.

– Я думала, тебя тоже! – и я рассказала Питу о том, как флаэро доставил меня домой, о том, что добровольно проходила терапию коррекции, а она в итоге только усугубила мое психоэмоциональное состояние, о том, как я попросила помощи у господина Альба и сбежала сюда.

В свою очередь Пит сказал мне, что он теперь тоже не может выходить из Подземелья, и показал мне свой синий палец.

– Снова мы с тобой заперты, только теперь уже в других масштабах, да? – игриво заявил он.

Я измученно улыбнулась.

Он взъерошил свои пепельно-русые волосы, вдохнул через баллончик со светящейся фразой: «У нашего пути есть сердце», – и с безмятежным спокойствием принялся выдумывать мне функционал.

Теперь я должна была высиживать в кабинете с утра до обеда, а потом еще пару часов вечером, фиксировать тех, кто приходит к Вождю, их просьбы и разговоры, а еще носить кофе.

Вождь и сам мог бы прогуляться до аппарата, но Пит сказал, что мне надо выдумать побольше рабочих обязанностей.

Зарплата в Подземелье оказалась у всех одинаковой, здесь не было деления на богачей и бедняков.

– Ну все! Слава Нагвалю, список твоих дел готов! – и Пит, довольный, протянул мне мониторчик со списком.

– Кому слава? – недоуменно переспросила я.

– Нагвалю, вождю Подземелья. Стыдно не знать. Прочитай историю Подземелья, кстати, фразы, появляющиеся на баллончиках, – это всё его цитаты, для поддержания нашего духа, – нравоучительно подметил Пит, оставляя меня одну в кабинете.

Обстановка на моем новом месте работы оказалась гораздо более живописной, чем в Архиве. Кабинет был просторный и ярко освещенный кристаллическими светильниками. Строгие столы стояли на равном расстоянии друг от друга, образуя букву «П». А на стене за столом Вождя красовалось окно-голограмма. Картинка за окном не менялась, но была настолько очаровательной, что не надоедала. Малахитовая лужайка переливалась оттенками зеленого, хвастаясь всем богатством этого цвета: оливковым, салатным, фисташковым, бирюзовым, изумрудным. Мягкая трава усыпала эту ясную лужайку, возникшую посреди чернолесья. Мрачные тяжелые тучи застилали бежевое небо, и лишь один лучик света упрямо пробивался сквозь них. Но самое главное в этом окошке – серый маленький волк. Волчок. Он беспечно играл с последним лучом солнца, катался в свежей траве, а когда луч исчезал, он убегал в лес. Спустя пару минут картинка повторялась вновь, луч появлялся, и волчок снова выбегал на лужайку. Я погрузилась в эту картинку, следуя ее повторяющемуся ходу простых событий. Тучи – луч – волчок – лес.

Через какое-то время в кабинет явился рыжеволосый Вождь и уселся за свой стол.

– Кофе принесите, – громким басом затребовал он, пробуя на вкус столь непривычную для него просьбу.

Я очнулась от созерцания игры волчка с лучом и поспешила выполнить просьбу-приказ. Спустилась к ближайшему автомату и взяла сразу три стаканчика: ему, Питу и себе.

Пока я расставляла стаканчики по нашим столам, подметила, что Вождь недоволен моими действиями. Возможно, я не должна была нести кофе и себе тоже. А возможно, не должна была нести и Питу.

– Держите, господин Нагваль, – я поднесла ему стакан с дымящимся напитком. Его глаза изумленно округлились, брови выгнулись коромыслом, создавая на лбу крупные кривые борозды.

– Как ты меня назвала? – он разразился раскатистым хохотом. – Я не Нагваль!

Все в моей голове спуталось, ведь Пит сказал, что Нагваль – это Вождь Подземелья. Кто же сидел передо мной, если не вождь? Я смущенно смотрела на серенький стаканчик.

– Я Рой, – вдруг произнес рыжеволосый.

– Извините, пожалуйста, господин Рой.

Он покровительственно кивнул, и я погрузилась в работу, которой не было. Ну зато была пустота. Вот в нее я и погрузилась.

Только после обеда я спохватилась и решила, что все-таки мне стоит освоиться на своем новом месте проживания. И нашла в «Зеркале» историю Подземелья.

Разобралась, что Нагваль – это первый Вождь Подземелья, умерший семь лет назад, что его бесконечно почитают все жители Подземного города. И зачастую говорят «Слава Нагвалю!», когда происходит что-то хорошее.

Вожди в Подземелье в обязательном порядке сменялись каждые три года и переизбирались каждый год путем общего голосования. В частности, Рой, нынешний Вождь, занимал свой пост второй год подряд.

Теперь я поняла, как глупо выглядела в кабинете.

Я всегда приходила на свое рабочее место чуть раньше положенного. И первые недели безучастно теряла время, пребывая «Вне Игры» или же погружаясь в окно. Единственной моей заботой было принести кофе.

Вождь всегда говорил грудным громким басом, Пит был всегда общителен и весел, а я была всегда молчалива и невидима. Так мы и сосуществовали с утра до обеда, а потом еще несколько часов вечером.

Пока однажды...

Был очередной день. И Пит с Вождем о чем-то говорили, я даже не вслушивалась и так бы и осталась в своем плотном коконе, если бы их разговор, точно назойливый будильник, не вывел меня из оцепенения.

– Ты много берешь на себя, оспаривая мой план, – давил Вождь.

– Я просто высказываю беспокойство, Рой. Все должно быть учтено, и кто, если не я, в этом должен убедиться.

– Мы с Хаком уже все обговорили, нечего тут обсуждать, – отмахнулся Рой.

– Я думаю, сюрприз для жителей должен состояться как можно позже, мы все должны к этому подготовиться прежде, чем Хак начнет действовать.

– Сюрприз должен состояться немедленно! А ну-ка, давай спросим у нее, – и Рой многозначительно впился в меня глазами. – Послушай, представь, что я хочу преподнести всему Подземному городу дар. Пит хочет повременить, а я считаю что нужно действовать СЕЙЧАС ЖЕ. Пит считает, что вправе спорить со мной. Но он имеет такие же права, как и ты, – он насмешливо покосился на Пита, упиваясь его уязвленным видом. – Ну так, как считаешь ты, девочка?

Я нехотя пришла в себя, отгаскивая взгляд от полюбившегося мне волчка, и оказалась в кабинете. О чем они только что спорили? Сюрприз, дар?

– Сюрприз – это нечто хорошее?

– Ну конечно! – рассмеялся Рой.

Мне так не хотелось голосовать против Пита, что я нашла компромисс.

– Думаю, лучше всего сюрпризы преподносить в праздник, чтобы это было ярко и незабываемо. Через месяц День Памяти Нагваля. Может, тогда?

Рой возликовал. Конечно, месяц – это не «СЕЙЧАС ЖЕ», как он хотел, но, похоже, эта идея ему понравилась.

– Видишь, Пит. Я готов уже послушать девочку. Пристань, так? – он уточнил мое имя, будто не знал его до этого времени.

Пит недовольно глянул на меня, а потом пожал плечами.

– Как скажешь, Рой. Ты же Вождь, тебе виднее.

– Наконец-то ты вернулся в реальность. Сходи к Хаку, расскажи о нашем решении.

– Я? – возмутился Пит.

– Ну не могу же я послать к нему Пристань. Она с ним не знакома, – он снова рассмеялся, оглядывая Пита с явным превосходством.

– Можно сообщить ему в «Зеркале», – намекнул Пит.

– Сходи и скажи лично!

Пит поспешно вышел, стараясь скрыть бурлившее в нем возмущение, но мы оба его заметили.

Рой вернулся к своим делам, а я заносила данные о его утренней встрече с представителем компании Sir Ingo.

Я не обратила внимания на то, как он вышел из кабинета, сколько он отсутствовал. Но его появление оказалось крайне нестандартным. Он застыл в дверях и не шевелился, пока я не заметила неладное и не подняла на него взгляд.

Он стоял с двумя стаканами кофе. Как я надеялась, что это для него и Пита. Примирительный жест. Но, к несчастью, он медленно подошел к моему столу и поставил мне один стакан.

– Господин Рой, зачем это вы? Я бы сама вам принесла. Очень неловко. Это моя обязанность.

– Вот именно, обязанность... А в моем случае это желание. Мне нетрудно, – он прошел к своему рабочему месту. – И прошу, не надо этих «господин Рой», я не так уж стар.

– Как мне к вам обращаться? – разговор становился очень нехорошим, и я не знала, что делать. Что-то мне сильно не нравилось во всем этом.

– Просто Рой.

Я поспешно вдохнула воздух через баллончик, на котором замаячила фраза: «Сегодня – они великие, завтра – тень прошлого».

С того самого дня я вообще перестала как-либо к нему обращаться. Если мне что-то требовалось, громко произносила свою просьбу или вопрос, как будто никому не адресуя. Пусть сами решают, кто мне ответит. И видела, что Вождь покрывается красными пятнами всякий раз, как я подбрасывала в воздух принадлежавший ему вопрос.

Чтобы наблюдать за Приходом, мы с Пересмешиником выбрали камень на самом краю Обрыва: отсюда хорошо была видна главная Дорога.

Я набил карманы дьявольскими ягодами и аккуратно уселся, свесив ноги с обрыва. Я любил так сидеть. Помню, еще на парковочной площадке, когда я хотел скинуться вниз и Пересмешиник меня остановил, мы потом долго с ним разговаривали, сидя на краю и вот так же свесив ноги в бездну.

– Есть в этом что-то волнующее – ощущать смерть под ногами.

Пересмешиник внимательно наблюдал за Дорогой, а я никак не мог собраться с мыслями. Ягоды коварно утаскивали одну за одной. Они давали мне состояние эйфории, но после высасывали всю мою память. Те, кто злоупотреблял ягодами, со временем полностью забывали о том, кто они, как сюда попали, и пропускали даже свой день выхода из Пустоши, навсегда оставаясь в ней...

Мы с Пересмешиником договорились, что ягоды буду есть я, а он будет следить за моей памятью.

Я мельком бросил взгляд на Дорогу и уже собирался закинуть в рот целую горсть эйфории, как вдруг произошло странное. В Пустоши появился еще один ребенок.

...тише ты...

...тише...

...тишиииии...

Мы с Пересмешиником оба подались вперед, жадно наблюдая за сверстником.

Он был невысокий и костлявый, бесцветные коротко стриженные волосы, бледно-серые глаза. От него за мило веяло страхом, впрочем, как и от каждого, кто оказывался в Пустоши впервые.

Я не заметил, как сжал в кулаке горсть ягод, и рубиновый едкий сок потек сквозь пальцы, запачкав штанину.

– Я единственный ребенок в Пустоши! Я и должен остаться единственным! Он не посмеет занять мое место!

Пересмешиник рассмеялся. А я инстинктивно закутался во тьму.

– С каких пор. Ты перестал в каждом новом человеке. Искать друга?

– Не знаю, не думаю, что это важно.

И мы с ним побежали наперегонки вниз по склону, и моя тень бежала впереди нас...

День Прихода случался хаотично, но все обитатели Пустоши каким-то образом чувствовали, что именно сегодня будет приход новых пленников.

Я любил быть зрителем и лишь наблюдать за реакцией вновь прибывших.

Каждый раз в конце Дороги новичков ожидало испытание.

Когда я впервые появился в Пустоши, в конце Дороги ко мне сразу же прилипли Сектанты. Они были ласковы и зазывали в свою Обитель. Я помню, как обрадовался доброму отношению, но Пересмешиник видел ложь. И он меня вытащил и спас.

...отобрал у них тень своей тени...

А потом он уничтожил собственными руками всех Сектантов, пока те были в каком-то трансе...

...и я слышал колокол между моими шагами...

С Обрыва я видел, что сегодня новеньких поджидают Безликие, чтобы отражать их самые потаенные страхи и плодить затем по всей Пустоши. Страхи увязывались за каждым пришедшим и сводили с ума, пока человек сам не становился безликим и не отражал чужие страхи.

Безликие, как вирус, поставляли в Пустошь все новые и новые ужасы.

Когда я уничтожил Сектантов и Слава о моем безумии и жестокости поползла по Пустоши, ко мне подослали Безликих.

У нас с Пересмешиником были считанные секунды, когда мы заметили их приближение.

Решение было принято молниеносно. Пересмешиник выступил вперед, заслонив меня от них.

Стыдно признаться, как на мгновение вместо благодарности я почувствовал любопытство. Чего же боялся дерзкий Пересмешиник?

Безликие прочитали его главный страх. Я помню, как вся Пустошь завибрировала от удивления. Они не смогли отразить его. Не появилось ни страшных существ, ни человека. Ни какого-то другого явления...

...тише... тише...

Обитатели Пустоши стали считать Пересмешиника феноменом. Так мы утвердили свою силу. Нас боялись побольше Безликих, потому что не могли объяснить нашу победу над ними. Необъяснимое всегда страшно.

...их глаза кидались под наши ноги...

А Безликие не могли разговаривать, и не смогли рассказать о том, что они отразили страх Пересмешиника, просто никто его так и не увидел.

И никто не знал, как я потом успокаивал онемевшего от ужаса Пересмешиника в нашей камере и клялся, что его страх никогда не станет явью.

...можно оно пожужжит, чтобы я уснул?

...можно-можно...

Мы спустились к окраине Дороги. Новеньких было пятеро. Мне были безразличны все, кроме сверстника. Они шли группкой, не замечая друг друга, озираясь по сторонам, содрогаясь от запаха Пустоши.

Я подобрался сбоку и легонько присвистнул, привлекая внимание моей жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.